

Александр Аввакумов

Выстрел в спину

12+

Александр Аввакумов

Выстрел в спину

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Аввакумов А. Л.

Выстрел в спину / А. Л. Аввакумов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Исчезновение военного конвоя, перевозившего банковские ценности из государственного Банка Минска, до сих пор покрыто тайной. Известно лишь одно, что данные ценности не попали в руки немецких солдат.

ПРОЛОГ

Москва, конец августа 1941 года. Несмотря на ранние часы, солнце уже захватило город в плен. Раскаленные стены зданий пылали жаром, было жарко и очень душно, как обычно бывает перед грозой. Где-то вдалеке гремело, и трудно было понять что это- гром или бомбежка.

По Никитскому переулку шел молодой офицер. Он был чуть выше среднего роста, светловолос, широк в плечах, лицо его было потемневшим от загара. На нем была выгоревшая гимнастерка, пилотка. Потертая кобура пистолета, запыленные сапоги наглядно свидетельствовали о том, что он совсем недавно прибыл с фронта. В петлицах гимнастерки матово поблескивали два кубика. Лейтенант иногда останавливался, чтобы уточнить дорогу, а затем снова продолжал свой путь дальше. Все это свидетельствовало о том, что он оказался впервые в этом большом столичном городе. Офицер свернул за угол и натолкнулся на военный патруль.

– Ваши документы, товарищ лейтенант, – обратился к нему сержант, поправляя на плече винтовку.

– Лейтенант Волков, – громко прочитал он. – Ваше командировочное удостоверение?

Офицер снова улыбнулся. Его улыбка была такой белоснежной на загорелом лице, что заставило улыбнуться бойцов патруля. Он достал из полевой сумки документ.

– Вот возьмите, сержант, – произнес он и протянул командировочное удостоверение. – Подскажите, сержант, далеко до здания НКВД? Я впервые в Москве и плохо ориентируюсь в городе.

Старший по патрулю посмотрел сначала на офицера, затем на фотографию в его служебном удостоверении и, молча, вернул ему документы обратно.

– Здание Наркомата внутренних дел будет вон за тем углом, товарищ лейтенант, – произнес он и рукой указал на серое массивное здание с колоннами, которое, словно скала, загромождало эту узкую улицу.

– Спасибо, – поблагодарил его офицер, пряча документы в полевую сумку.

Козырнув патрулю, он направился дальше. Улицы города были полупусты, лишь иногда можно было встретить прохожего, спешившего, то ли домой, то ли на работу. В городе шла эвакуация промышленных предприятий, учреждений, советских и партийных органов. Немецкая авиация все чаще и чаще появлялась в небе над городом, осыпая его градом зажигательных и фугасных бомб.

Свернув за угол, Волков увидел большое трехэтажное серое здание, у дверей которого, переминаясь с ноги на ногу, стоял часовой. Заметив приближающегося к нему офицера, он принял стойку «смирно» и с любопытством посмотрел на него, стараясь отгадать, кого из руководителей наркомата он может искать в здании НКВД. Лейтенант козырнул бойцу и, открыв тяжелую деревянную дверь, вошел в вестибюль. В помещении было относительно прохладно, темновато и Волков не сразу заметил стол, за которым сидел дежурный офицер. Он о чем-то разговаривал по телефону, прикрыв микрофон рукой, не обращая никакого внимания, на вошедшего в здание офицера. Наконец он закончил говорить и с интересом посмотрел на лейтенанта.

– Вы к кому, товарищ лейтенант? – спросил он Волкова. – Предъявите ваши документы!

– Меня вызвал к себе майор государственной безопасности Еременко, – ответил Волков, протягивая ему свои документы. – Вот мое командировочное удостоверение. Скажите, где я могу сделать отметку о прибытии?

– Лейтенант Волков, – прочитал дежурный в документе. – Минуточку, товарищ лейтенант.

Он открыл амбарную книгу и стал искать его фамилию. Волков наблюдал за его красивым пальцем, который скользил по странице. Наконец палец дежурного замер на месте и он радостным голосом произнес:

– Нашел. Майор госбезопасности Еременко вызывал вас к десяти часам утра. Сейчас девять сорок пять. Придется немного подождать, товарищ Волков, а пока сдайте оружие, вас пригласят.

Волков вытащил из кобуры «ТТ» и положил его на стол дежурного офицера. Тот взглянул на лейтенанта и, открыв ящик стола, положил его туда.

– С фронта, лейтенант? – поинтересовался дежурный офицер у него.

– Да, – коротко ответил Волков. – Даже не верится, что там бои, а здесь так тихо. Можно я выйду, хочу покурить?

– Да, конечно, курите. Я вас позову.

Ждать пришлось недолго. Минут через пять за Волковым спустилась женщина в военной форме без знаков различия и пригласила его последовать за ней. Волков шел по длинному коридору, то и дело, отдавая честь проходившим мимо него офицерам. В узких коридорах Наркомата внутренних дел кипела совсем незнакомая ему жизнь. Все куда-то торопились, козыряли друг другу и исчезали за массивными дверями кабинетов. Женщина довела его до кабинета и, оставив его на минуту в коридоре, скрылась за массивной дверью.

– Проходите, – произнесла она и, оставив его в приемной, вышла, плотно прикрыв за собой дверь.

– Присаживайтесь, товарищ лейтенант, – предложила ему секретарь, миловидная женщина. – Товарищ Еременко занят и просил вас немного подождать.

Волков сел на стул и стал рассматривать, сидевшую перед ним женщину. На вид ей было чуть больше тридцати-тридцати пяти лет. Ее густые светлые волосы переливались в лучах утреннего света, который падал из большого окна. Ее пухлые чувствительные губы забавно шевелились в такт ударам пишущей машинки. Заметив на себе пристальный взгляд офицера, она повернулась к нему и одарила Волкова красивой дежурной улыбкой.

В углу кабинета приемной стояли большие напольные часы в красивом резном футляре. Волков перевел свой взгляд с секретаря майора на них. Большой тяжелый маятник отсчитывал секунды.

«Раз, два, три, – отсчитывал лейтенант и заворожено смотрел на блестящий маятник, – четыре, пять, шесть...».

Где-то на улице завывла сирена, извещающая о воздушной тревоге. Секретарь мельком взглянула на Волкова и, не обращая внимания на этот протяжный нарастающий с каждой секундой вой, продолжала стучать на машинке. Неожиданно дверь открылась и из кабинета, переговариваясь между собой, вышла два офицера НКВД. Они прошли мимо Волкова, даже не взглянув в его сторону. Секретарь встала из-за стола и, поправив юбку, исчезла за дверью кабинета. Часы гулко пробили одиннадцать раз. Волков поднялся со стула и подошел к зеркалу. Его застиранная, выгоревшая на солнце гимнастерка, стоптанные и запыленные сапоги были каким-то тяжелым довеском к его спортивной фигуре. Он расправил гимнастерку и посмотрел на секретаря, которая вышла из кабинета.

– Товарищ Волков! Майор Еременко ожидает вас, – произнесла женщина и, взглянув на лейтенанта, села за стол.

Майор госбезопасности Еременко предстал перед ним в прекрасно скроенном кителе, который сидел на его могучих плечах, словно влитой, блестящие кожаные сапоги. На груди майора матово сверкал орден Боевого Красного Знамени.

– Проходите, товарищ Волков, – произнес Еременко красивым баритоном и, мельком взглянув на вошедшего офицера, указал ему рукой на стул.

Рука Алексея машинально потянулась к пилотке и он, словно не услышав приглашения майора, стал докладывать:

– Товарищ майор государственной безопасности, лейтенант Волков... – он не договорил, так как его остановил повелительный голос хозяина кабинета.

– Проходите, лейтенант, мы не на параде, – произнес майор. – Вы что плохо слышите? Присаживайтесь. Чая хотите?

Волков осторожно сел в большое кожаное кресло. Он впервые в своей жизни почувствовал небывалый комфорт: его тело буквально утонуло в этих воздушных кожаных подушках. Выросший в большой крестьянской семье, он никогда не сидел в подобных креслах. Лейтенант посмотрел на майора, стараясь угадать, зачем его, заместителя начальника особого отдела одного из стрелковых полков отозвали с фронта в Наркомат внутренних дел СССР. Совсем недавно разведчики его полка захватили в плен немецкого офицера, который вез приказ и другие секретные документы из Берлина в штаб армии группы «Центр». Сейчас он мысленно прокручивал в своей голове возможные вопросы, связанные с захватом этого офицера.

– Скажите, лейтенант, – обратился к нему майор, – вы знакомы с лейтенантом НКВД Никитиным? Это правда, что вы дружили с ним?

«Почему он меня спрашивает об этом, если знает, что мы дружили с Никитиным? – подумал Алексей. – Неужели Иван на чем-то сгорел и потащил его по цепочке? Если это так, то отрицать свою дружбу с ним не имеет смысла. Наверняка, они уже все знают о нем».

Прежде чем ответить на вопрос Еременко, Волков посмотрел на лицо чекиста. Седые волосы на его голове были аккуратно пострижены. Чисто выбрито лицо, волевые губы и самое главное, что бросилось ему в глаза, был холодный взгляд его серых глаз.

– Так точно, товарищ майор. Лейтенант Никитин был в свое время моим подчиненным. Мы с ним учились вместе и дружили еще с училища, – ответил Волков. – Он был неплохим товарищем, грамотным специалистом и коммунистом. Если не секрет, товарищ майор, скажите, почему вы меня спрашиваете о Никитине?

«Зачем я это все говорю? Какое им дело до этих интересов, если он уже арестован? – пронеслось в голове Волкова. – Но что он мог сделать такого, что о нем спрашивают не в части, а в Москве?»

– Почему был, лейтенант? Скажите, что вы еще можете сказать об этом человеке? – словно не расслышав его вопроса, спросил Еременко. – Скажите, Волков, каким он был человеком? Честным, открытым человеком или законспирированным врагом государства? Ему можно было верить?

«Что ответить? – промелькнуло в голове Волкова. – Сказать правду или соврать?»

– Никитин – честный, преданный делу партии и товарищу Сталину офицер. В меру инициативен, хорошо владеет немецким языком. У меня не было никаких претензий к нему по службе, да и товарищем он был неплохим.

– Откуда он знает немецкий язык?

– Он в детстве батрачил у немецких колонистов, там и выучил язык.

«Неужели он арестован? – снова почему-то подумал Алексей. – Если это так, то шансов у меня покинуть этот кабинет, просто нет».

От этой мысли Волкову стало не по себе. Он моментально представил себя в камере, где несколько сотрудников НКВД ведут допрос. Еременко не отрывая глаз, смотрел на сидящего перед ним Волкова. Взгляд его серых глаз был таким тяжелым, что Алексей почувствовал себя маленькой букашкой в этом большом кабинете. Майор встал из-за стола и подошел к окну.

– Скажите, Волков, когда вы последний раз встречались с Никитиным, при каких обстоятельствах? – повернувшись к нему, задал Еременко очередной вопрос лейтенанту.

– Последний раз в начале мае этого года, товарищ майор, незадолго до начала войны. Мы встретились с ним в Минске. Я прибыл туда в служебную командировку по линии Особого отдела Западного округа. Каким образом он узнал о моем приезде, я не знаю. Он позвонил

мне в гостиницу и предложил встретиться. Наша встреча произошла на другой день. Мы с ним посидели немного, поговорили о жизни. Больше я его не видел.

– Скажите, Волков, он вам не сообщил о своей новой работе?

«Что ответить? Может промолчать? А вдруг Никитин им все уже рассказал? – подумал Волков.

– В общих чертах, товарищ майор. Он рассказал мне, что вот уже два месяца как занимается польскими ценностями, которые были захвачены нашими войсками.

Еременко, молча, продолжал сверлить лейтенанта своим взглядом.

– Что-то не так, товарищ майор? – спросил его Волков, однако чекист не ответил.

– Вы в курсе того, что сейчас Никитин находится в Москве? – спросил его майор и, достав из пачки папиросу, закурил. – Вы разве не получали от него этой весточки – ведь он находится в госпитале? Не буду скрывать, у него – гангрена и большая вероятность потери обеих конечностей, в лучшем случае.

– Нет, товарищ майор. Откуда я мог это знать, если я его видел в последний раз в мае месяце. Да и куда он мог мне написать? Он даже не знал, где я нахожусь.

Еременко промолчал. Услышанная им новость о Никитине буквально ошеломила Волкова.

«Если он в Москве, в госпитале, – пронеслось у него в голове, – тогда почему меня вызвали в Наркомат и спрашивают о нем? Ведь все это они могли узнать и от него? В чем дело?» – спрашивал он себя, не находя нужного ответа.

Еременко продолжал молчать. Эта небольшая пауза в их разговоре показалась Волкову вечностью. Майор загасил папиросу в металлической пепельнице и, взглянув на него, произнес:

– Слушайте меня внимательно, лейтенант. Все, что вы сейчас услышите в этом кабинете, относится к государственной тайне. Дело в том, что в июне 1941 года из Минска была осуществлена попытка эвакуировать большой запас золота и других ценностей, хранившихся в Государственном Банке Белоруссии. Чтобы ценный груз не достался врагу, руководством областного НКВД было принято решение о создании так называемой «ложной группы», задача которой состояла в том, чтобы отвлечь внимание немецкой разведки и специальных групп из ведомства Розенберга от основного конвоя, который и перевозил этот груз.

Он сделал паузу и продолжил:

– Эти два конвоя должны были встретиться в пригороде Смоленска, а затем передать эти ценности специальной команде НКВД, которая должна была доставить их в Москву. Вы уловили суть?

– Так точно, товарищ майор.

– Вот и хорошо, лейтенант. Слушайте дальше. Никитин был ответственным за «ложный» конвой. Он выполнил свою задачу и привел остатки своего отряда в намеченный район, где оба конвоя и встретились. Дальше все покрыто завесой тайны. Специальный отряд НКВД ждал их в условном месте, но они туда почему-то не прибыли. Причина до сих пор не ясна.

Майор посмотрел на Волкова и снова закурил. Пауза явно затягивалась.

– Вот вам, лейтенант, и предстоит выяснить у Никитина эту причину. Мы пытались сделать это сами, но у нас, к сожалению, ничего не получилось. Похоже, он нам не верит. Никитин просил разыскать вас с условием, что только вам он и расскажет об этом.

– Выходит, что судьба ценностей до сих пор неизвестна?

– Да, – коротко ответил Еременко. – Цена вопроса – около восьми тонн золота и других ценностей: ювелирных изделий, камней и так далее.

Еременко загасил папиросу. В кабинете стало тихо. Из-за двери слышался ритмичный стук пишущей машинки, на которой печатала секретарь.

– Мы вызвали вас, так как надеемся, что вам Никитин расскажет все, – тихо произнес майор. – Допрашивать его официально мы больше не стали, слишком серьезное дело и возможна утечка информации. Руководство Наркомата внутренних дел приняло решение положить вас к нему в больничную палату. Рассчитываем на то, что вам удастся восстановить все подробности исчезновения этого золотого конвоя. Теперь вы знаете все.

Майор замолчал.

– Волков, вы должны не пропустить ни одной мелочи, так как вам придется вплотную заняться возвращением этого груза в Москву. Смоленск мы наверняка не удержим, так что не забывайте об этом. И еще, немцы тоже в курсе этого конвоя и организовали его поиски. Вопросы ко мне есть?

– Пока нет, товарищ майор.

– Тогда выполняйте приказ. Сейчас вас проводят и разместят в госпитале.

Лейтенант Волков, держа в руках свернутую полосатую пижаму, шел по коридору госпиталя. Раньше здесь была средняя школа, о чем красноречиво говорили развешанные по коридору портреты великих путешественников, писателей и ученых. Его сопровождала женщина-сотрудник НКВД, одетая в белый медицинский халат поверх формы. Воздух госпиталя был пропитан запахом карболки, гноя и каких-то медицинских препаратов. Двери палат из-за жары были открыты настежь, и Волков, проходя мимо них, видел кровати с ранеными бойцами, их тревожные взгляды, полные надежд и отчаяния.

– Товарищ лейтенант! Подождите меня здесь, – скорее приказала, чем попросила его сотрудница и исчезла за белой дверью.

– Посторонитесь! – услышал Волков за спиной незнакомый ему голос. – Дай, пройти!

Лейтенант обернулся и увидел двух пожилых санитаров, которые несли носилки с телом. Судя по тому, что лицо человека было закрыто простыней, он сразу догадался, что тот был мертв. Пропустив их мимо себя, Волков невольно подумал о бренности человеческой жизни.

«Вот и этот отвоевался, – промелькнуло у него в голове. – Сейчас ему уже ничего не нужно, все боли и страхи остались в прошлом».

Дверь кабинета открылась, и из кабинета вышел мужчина, одетый в белый медицинский халат, который явно был ему мал. Мужчине было лет около сорока. Первое, что бросилось в глаза Волкова, было его лицо, которое было все испещрено следами от перенесенной оспы и поэтому казалось похожим на запеченное коричневое яблоко. Мужчина смерил офицера изучающим взглядом, и видимо, оставшись довольным его внешним видом, вполне дружелюбно произнес:

– Пойдемте со мной в палату.

– А где ваша сотрудница? – поинтересовался Волков у мужчины, но тот словно не услышав его вопроса, продолжал двигаться по коридору.

Они свернули направо и стали подниматься по широкой лестнице, выложенной белой мраморной плиткой, на второй этаж.

– Что здесь было раньше? Я имею в виду до войны? – спросил он мужчину.

– Не знаю, – коротко ответил тот. – Похоже, что школа, правда, сейчас это не имеет никакого значения. Нам налево и до конца. Сейчас перейдем в другой корпус.

Мужчина был не многословен и Волков сразу догадался, что ему приказали, как можно меньше общаться с ним. Пройдя еще метров тридцать, они остановились. Напротив двери в палату на табурете сидел сотрудник НКВД в накинутом на плечи халате. Узнав сопровождающего Волкова мужчину, он вскочил на ноги и приложил руку к козырьку фуражки.

– Это – наш новый пациент, – произнес мужчина, пропуская его в палату. – Раздевайтесь, товарищ лейтенант. Свою одежду можете положить в шкаф. Вот – ваша кровать.

На соседней койке лежал человек. Лицо мужчины заросло густой рыжей щетиной и Алексей не сразу признал в этом исхудавшем человеке своего друга – Ивана Никитина.

– Отдыхайте, товарищ лейтенант. Обед здесь в тринадцать часов. Еду принесут к вам в палату.

– Хорошо, – ответил Волков и положил на койку пижаму.

Закрыв дверь палаты, лейтенант стал быстро переодеваться в больничную одежду. Он иногда бросал свой взгляд на Ивана, но, судя по его закрытым глазам, тот, похоже, спал. Дежуривший у двери сотрудник НКВД заглянул в палату и, увидев, что новый пациент уже лежит на кровати, тихо закрыл за собой дверь.

– Леша! Ты слышишь меня? – еле слышно прошептал Никитин. – Я знал, что они найдут тебя, и ты придешь ко мне. Я специально никому ничего не рассказывал, я ждал тебя.

– Как ты, Ваня? Как самочувствие? – спросил Волков Никитина, приподнявшись на койке.

– Плохо, Леша. Не знаю, смогу ли выкарабкаться из этой ситуации. Вчера врач при осмотре сказал мне, что меня может спасти лишь ампутация обеих ног. Ты знаешь, лучше умереть, чем жить без ног. Кем я буду без них – «самоваром»?

Он замолчал. В тишине комнаты хорошо было слышно, как он тяжело дышит.

– Как ты здесь оказался? – шепотом спросил его Волков. – Кто тебя сюда привез?

– Меня подобрала красноармейцы, они выходили из окружения и случайно наткнулись на меня. Бойцы сначала посчитали меня погибшим и положили в общую могилу, которую соорудили в воронке от авиабомбы. Но кто-то из них заметил, что я стал шевелиться. Сейчас не знаю, хорошо это или нет. Тогда мне хотелось только одного – умереть.

– Ты что, раскис как кисейная барышня, Ваня? Ты молодой, организм у тебя крепкий, так что рано ты себя хоронишь.

– Не нужно меня успокаивать. Тяжело мне, Леша. Умирать в двадцать пять лет сложно и несправедливо, правда?

– Да. Ты прав, Иван. Поэтому живи....

В палате стало тихо. Никитин указательным пальцем руки показал Волкову на потолок палаты, предупреждая его о том, что их прослушивают сотрудники НКВД. Алексей кивнул ему, давая понять, что понял его предупреждение.

– Ты знаешь, Леша, я специально попросил следователя из НКВД, чтобы он разыскал тебя. Я так ему и сказал, что расскажу все, что там произошло только тебе и больше – никому. Они и так, и сяк со мной, грозили трибуналом, но я настоял и ты вот здесь. Леша! Ты знаешь, я сейчас никому не верю. Ты – единственный человек, кому я могу доверить тайну спрятанного нами золота. Дай мне слово, что пока его не найдешь – об этом никому не расскажешь. Пусть эта тайна будет только нашей тайной.

Волков кивнул головой и сжал его ладонь. Их разговор прервала вошедшая в палату медсестра. Она, молча, закатала рукав нательной рубашки Никитина и сделала ему укол в вену.

– Спасибо, сестричка, – прошептал Иван. – Легкая у тебя рука...

Повернувшись, женщина также тихо вышла в коридор, как и вошла, плотно прикрыв за собой дверь.

– Слушай, Иван! А где, вы схоронили ценности? – присев рядом с ним, тихо спросил его Волков. – Мне кажется, что они хотят отправить меня в немецкий тыл, чтобы я нашел это золото. Ты меня понял?

Никитин кивнул и улыбнулся.

– Расскажи мне все, что произошло там за линией фронта, – попросил его Волков.

– Хорошо. Сядь рядом со мной, – произнес он и снова пальцем указал на потолок.

В палате стало темнеть. За окном пошел мелкий дождь, который стал монотонно стучать по стеклу окна. Волков подошел к окну и задернул шторы. Он сел рядом с Никитиным и посмотрел на него, давая тому понять, что он готов слушать его рассказ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Июнь 1941 года. Белоруссия. Немецкие передовые части вышли к пригороду Минска. Несмотря на отчаянное сопротивление Красной Армии, всем было ясно, что город войскам не удержать. Началась массовая эвакуация государственных учреждений. В пригороде Минска резко активизировались группы националистов и немецких диверсантов, которых массово забрасывали в тыл наших войск абвер. Переодетые в форму красноармейцев, диверсанты из полка «Бранденбург-800» устраивали засады, взрывали мосты, уничтожали командный состав, отступавших на восток частей Красной Армии.

День выдался солнечным. Минск буквально тонул в клубках черного дыма. На окраине города горел склад с горюче-смазочными материалами. Улицы города были пусты – ни жителей, ни отходящих на восток войск. В небе над городом гудели немецкие самолеты, которые устраивали буквально охоту за каждым, кто появлялся на улицах города.

Капитан госбезопасности Наумов Геннадий Архипович, мужчина лет сорока, с серой от пыли и грязи повязкой на голове, положил телефонную трубку и посмотрел на лейтенанта Никитина, который стоял у двери, вытянувшись по стойке «смирно».

– Расслабься лейтенант, ты не на посту у знамени части, – устало произнес капитан. – Ты слышал, что говорит руководство наркомата? Приказа о движении твоего отряда пока нет. Ты и твоя группа покинет Минск последними из частей.

Лицо капитана исказила гримаса боли. Он невольно потрогал рукой рану на голове и посмотрел на Никитина.

– Что у тебя? – обратился он к лейтенанту.

– Товарищ капитан, но бои идут уже в пригороде города. Не опоздать бы.... Сегодня с утра наши машины обстреляли националисты.

– Ну и что, Никитин? Я и без тебя все это знаю, но пойми, приказа пока нет. Эту операцию разрабатывал не я и не мне решать, когда тебе выдвигаться из города. Как только, так сразу...

Капитан замолчал и, достав из кармана пачку папирос, положил ее на стол перед собой. Закурив, он снова посмотрел на офицера, который все еще продолжал стоять по стойке «смирно».

– Ну, не смотри на меня так, Никитин. Я не могу тебе разрешить начать движение, ты меня понял? Сам знаешь, кругом диверсанты, шпионы и эти предатели – националисты.... Кто будет отвечать, если сорвется операция? Думаю, что походу движения твоей группы немцы попытаются завладеть грузом или внедрить в отряд своего человека. Кем он будет, я не знаю – это разбираться тебе. Будь осторожен.... Ты – человек опытный и не мне тебя учить, как поступать в таких случаях. Не верь никому, если хочешь выжить. Запомни – не верь!

– Я понял, товарищ капитан, никому не верить.

– Вот и правильно. Враг может менять тактику, форму. О твоем отряде не знает никто....

Дверь за спиной лейтенанта широко открылась и в кабинет, пыхтя словно паровоз, вошел заместитель военного коменданта города майор Гудков. Он был небольшого роста, с большой лысой головой и большим животом, который вываливался за широкий форменный ремень. Он явно страдал излишками веса, одышкой и другими скрытыми хроническими заболеваниями. Его красное лицо напоминало раскаленную докрасна сковороду. Несмотря на это, майор был необычно энергичен в свои пятьдесят пять лет и, казалось, что его невозможно усадить на место. Он нервно ходил по кабинету, держа в руках помятую и пыльную фуражку. Он иногда останавливался и снова, словно сорвавшись с места, начинал мерить кабинет шагами.

– Да остановитесь же, товарищ Гудков! – произнес капитан. – У меня и так голова идет ходуном, а здесь еще вы бегаєте по кабинету. Что у вас?

– Товарищ капитан государственной безопасности, разрешите обратиться? – остановившись и демонстративно щелкнув каблуками кожаных сапог, произнес Гудков.

Наумов устало улыбнулся и кивнул ему головой.

– Давай, докладывай....

Капитан не спал больше трех суток, готовя к эвакуации ценности республиканского Банка и сейчас его серое от усталости и бессонницы лицо было непроницаемым. Со стороны казалось, что он вот-вот заснет прямо на ходу, но это впечатление было обманчиво. Наумов по-прежнему остро реагировал на все изменения обстановки и своевременно принимал необходимые решения. Вот и сейчас, словно очнувшись, он снова посмотрел на Гудкова и рукой указал ему на стул. Тот сначала надел, а затем снял с головы фуражку, словно она мешала ему говорить. Взглянув на Никитина, он положил ее на стол. Майор достал из кармана галифе большой носовой платок и вытер им вспотевшую лысину. Платок был несвежим, но Гудков, словно, не замечая этого, сунул его обратно в карман.

– Наумов! – обратился он к чекисту. – Только что получена информация о том, что немецкие автоматчики просочились на окраину города и небольшими группами продвигаются к центру города. Бои идут за каждый дом. Нужно что-то предпринимать с отправкой вашего конвоя, а иначе все эти ценности могут угодить в руки немцев. Положение просто критическое, товарищ капитан государственной безопасности. Решайте! Ждать приказа сверху больше нельзя. Им сейчас точно не до нас!

– Не гоните волну, товарищ Гудков! Без паники! – ответил капитан, почему-то переходя на жаргон. – Вы думаете, я этого не понимаю? Но я без приказа сверху ничего не могу делать. Вот сижу и жду этот проклятый приказ. Нервы уже не выдерживают.

Он поднял трубку и несколько раз стукнул своей рукой по рычагу телефонного аппарата. В трубке было тихо. Он со злостью швырнул ее на рычаг и посмотрел на Гудкова.

– Вот видишь, майор, и связь пропала, – с нескрываемым раздражением произнес Наумов. – Наверняка диверсанты перерезали провода, сволочи.

Неожиданно его взгляд упал на Никитина. На лице Гудкова появилось удивление, словно он впервые заметил его в этом кабинете.

– Вот что, Никитин, найди связистов. Пусть они восстановят связь. Ты понял меня? Одна нога здесь, другая там. Исполняйте!

– Есть, товарищ капитан. Разрешите идти?

Капитан махнул рукой и сел за стол. Где-то рядом зазвучали пулеметные очереди, которые утонули в грохоте взрывов мин и снарядов. Во дворе здания Государственного Банка со страшным грохотом взорвался артиллерийский снаряд. В кабинете вылетели стекла из рам и со звоном посыпались на мраморный пол. В помещении запахло стorerевшей взрывчаткой. Наумов и Гудков даже не прикрыли свои головы от разлетевшихся в разные стороны осколков стекла, и со стороны показалось, что они даже не обратили на это никакого внимания. Наумов взял руки фуражку и, смахнув с нее крошки штукатурки и битого стекла, надел ее на голову.

– Где же связь? Что они там копаются! – выругавшись матом, произнес капитан и поднял телефонную трубку. – Связь нужна, как воздух, майор!

В трубке сначала что-то щелкнуло и вдруг через какофонию шорохов и треска, прозвучал мужской голос.

– Алло, алло! Вы меня слышите? – закричал Наумов. – Соедините меня с начальником областного НКВД. Почему не можете? Немцы? Какие на хрен немцы? Как прорвались? Не может быть!

В трубке отчетливо зазвучали звуки боя.

Над центральной площадью города пронеслись два «Юнкерса», поливая из пулеметов улицы и переулки города. Никитин и двое бойцов из группы сопровождения быстро перебежали улицу и скрылись за углом дома. Две минуты назад был убит связист, который пытался установить связь с кабинетом Гудкова. Лейтенант сразу определил, что стреляли из окна третьего этажа углового дома.

– Не отставайте! – крикнул он бойцам. – Прижимайтесь к стене!

Дверь подъезда была открыта настежь. Никитин осторожно вошел в подъезд и, прижимаясь к стене, стал медленно подниматься по лестнице. Где-то совсем рядом раздался винтовочный выстрел.

Они осторожно поднялись на третий этаж и становились около двери, из-за которой снова прозвучал хлесткий винтовочный выстрел.

– Приготовиться! – прошептал лейтенант и с силой рванул на себя дверь. Он не сразу заметил стоявшего у окна мужчину, одетого в форму бойца Красной Армии.

Мужчина обернулся и, вскинув винтовку, выстрелил в Никитина. Видимо волнение и страх сказали свое слово. Пуля сбита фуражку с головы лейтенанта и ударила в стену. В ту же секунду офицер бросился на него, не дав ему перезарядить оружие и сделать новый выстрел. Сбив его с ног, они повалились на пол и стали бороться. Кто-то из бойцов ударил диверсанта прикладом. Тело мужчины обмякло, руки разжались и он, похоже, потерял сознание.

– Вяжите его! – приказал, вставая с пола, Никитин.

Когда диверсант был связан, его привели в чувство и, подняв на ноги, вывели из дома. Лейтенант нашел место обрыва телефонного провода и быстро соединил два конца. Перебежав улицу, они вернулись в здание банка.

– Товарищ капитан! Связь восстановлена, – доложил Наумову Никитин. – Нами задержан диверсант. Что с ним делать?

– Расстрелять! – приказал капитан. – Времени нет, с ним возиться, Никитин.

– Что делают, сволочи! – со злостью произнес майор Гудков, подойдя к разбитому окну. – Обнаглели окончательно. Яркое синее небо и ни одного нашего ястребка. Вот тебе и броня крепка и танки наши быстры. . .

Майор выглянул во двор Банка. Там стояли три грязных, заляпанных коричневой глиной, легких танка и броневик. В стороне от них, укрывшись от внимания немецких летчиков, стояло несколько новеньких полуторок, крытых зеленым брезентом. На свежевыкрашенных зеленой краской бортах машин белели яркие надписи «Почта». Из окна здания были хорошо видны большие зеленые ящики из-под боеприпасов, укрытые брезентом, которые находились в кузове автомобилей. В кузовах двух полуторок виднелись большие зеленые мешки. Около машин стояли водители и бойцы, прислушиваясь к нарастающим звукам уличного боя. Услышав скрип двери, Гудков резко обернулся. В кабинет вошел боец и застыл по стойке «смирно».

– Товарищ капитан, вам пакет, – четко отрапортовал он.

– Не понимаю, чего мы ждем, товарищ капитан, – снова произнес майор Гудков. – Немцы уже в двух кварталах отсюда, – громко произнес майор Гудков и посмотрел на капитана Наумова, который все еще продолжал читать депешу. Наконец он оторвал свой взгляд от бумаги и растеряно посмотрел на офицеров.

– Что будем делать? Я так и не получил приказа на эвакуацию, – произнес он. – Было плохо слышно, и я ничего не расслышал, да и здесь нет ничего конкретного.

Майор промолчал, ведь он хорошо слышал, что Наумову приказали ждать приказа.

– Нужно начинать эвакуацию, больше ждать нельзя, – уже в который раз стал торопить его Гудков. – Мы не можем допустить, чтобы груз попал в лапы немцам. Вы представляете, что будет с нами, если это произойдет? Нас с вами просто расстреляют без суда и следствия.

– Да, да, вы правы майор, – растеряно ответил Наумов. – Лейтенант, вы помните поставленную перед вами задачу. Командуйте отрядом, мы уходим. Давай, давай, лейтенант, быстрее...

Где-то, совсем рядом, послышались сухие очереди немецких автоматов.

Капитан взглянул в окно, а затем торопливым шагом направился к двери. Никитин бежал вслед за ним по лестнице и сел в кабину головной полуторки.

– погоди, лейтенант, – обратился к нему Наумов. – Девушку возьми с собой. Она из нашей конторы. У нее сопровождающие документы на груз. Береги ее, Никитин.

– Как вас зовут? – спросил ее лейтенант, направляясь к машине.

– Ольга Лаврова, – ответила девушка.

– Садитесь вот в эту машину, – приказал он ей и рукой указал на полуторку.

– Убедившись, что все его люди сели в машины, он запрыгнул на подножку грузовика.

– Давай, Клим, заводи, – приказал он водителю грузовика. – Поехали.

Первыми из двора выехали два танка. Хищно вращая стволами крупнокалиберных пулеметов, они двинулись в сторону выезда из города. За ними осторожно выехали грузовики и, набрав скорость, понеслись по пустынным улицам вслед за танками, замыкал колонну танк и броневик.

– Вот и все, – устало произнес капитан Наумов, провозжая отъехавшую колонну машин. – Теперь можем и мы уходить...

Он сел в ожидавшую его «Эмку» рядом с майором Гудковым и облегченно вздохнул. Легковая машина выехала из ворот и тут же натолкнулась на группу немецких автоматчиков, которые двигались вдоль улицы, прижимаясь к фасадам домов. Все произошло так неожиданно, что немцы растерялись и не сразу открыли по ним огонь.

– Гони! – закричал водителю капитан Наумов, взводя лежавший на его коленях автомат. – Гони!

Первыми же выстрелами немцам удалось пробить скаты легковушки и она, потеряв управление, стала вилить из стороны в сторону, пока не уперлась капотом в стенку дома.

– Майор, вместе нам не уйти. Уходи, я прикрою! – закричал Гудков.

Но Наумов, словно не слышал его. Сжимая в руках автомат, он отрицательно покачал головой. Они залегли около машины и открыли по немцам огонь. Гитлеровцы залегли на дороге и открыли шквальный огонь по офицерам. Пули крошили штукатурку домов, высекали искры из брусчатки и с воем уходили куда-то вверх. Кто-то из немцев бросил в них гранату, но, попав в телеграфный столб, она отлетела в сторону, и взорвалась, осыпав всех осколками. Раздался еще один взрыв, машина окуталась дымом.

– Уходи! – снова крикнул Наумов Гудкову. – Уходи, майор, я прикрою!

Майор сделал несколько выстрелов и, вскочив на ноги, метнулся в сторону ближайшего дома. Он не добежал до арки в дом метра три, когда автоматная очередь немецкого солдата буквально перерезала его пополам. Он вскинул свои короткие руки и словно мешок с картошкой, повалился на асфальт. Из пробитой пулями груди, пульсирующими толчками сочилась алая кровь.

Наумов перезаряжал автомат, когда увидел своего водителя, который, петляя, словно заяц, из стороны в сторону, бежал по улице, размахивая неизвестно откуда взятой обмоткой, словно белым флагом.

– Сволочь! Стой! – закричал капитан. – Получай, гад!

Он нажал на курок. Водитель взмахнул руками и, сделав несколько неуверенных шагов по инерции, повалился на дорогу.

– Сдавайся! – закричал кто-то из немцев на русском языке. – Ты окружен!

Наумов хорошо знал, что в случае пленения его ждет неминуемая смерть, и поэтому ему ничего не оставалось, как продолжать сражаться до последнего патрона. Пулеметная очередь прошла над головой, заставив капитана буквально вжаться в асфальт. Он передернул затвор ППШ и дал очередь в сторону немецких солдат, которые, перебегая от дома к дому, обходили его со всех сторон.

– Сдавайся! Соппротивление бесполезно! – снова кто-то закричал из-за угла дома.

Сильный удар буквально вырвал из рук капитана автомат. Пуля угодила в диск автомата и заклинила его. Отбросив бесполезный для боя автомат, Наумов достал пистолет. Он сделал несколько прицельных выстрелов из «ТТ», отметив про себя, что два немецких солдата упали от его пули на дорогу и перестали двигаться. Сбоку показалась группа эсэсовцев. Капитан приставил пистолет к виску и выстрелил.

– Господин гауптштурмфюрер! Посмотрите, здесь еще один убитый русский офицер, – произнес солдат и рукой указал на труп русского офицера, на рукаве зеленой гимнастерки которого была нашивка с изображением щита и меча. Чекист лежал около автомобиля, лицом уткнувшись в серый асфальт. Вокруг головы офицера чернела лужа запекшейся крови. Рядом с ним лежал пистолет «ТТ».

Гауптштурмфюрер СС Вальтер Вагнер, мужчина лет тридцати – тридцати пяти, светло-волосый – отвечающий немецкому стандарту настоящего чистокровного арийца, постегивая хлыстом по лакированному голенищу сапога, неторопливым шагом направился в сторону солдата. Здесь, в поверженном немецкой армией Минске он представлял интересы обергруппенфюрера СС, начальника Главного управления имперской безопасности Эрнста Кальтенбрунера при ставке армии группы «Центр». Офицер, не спеша, подошел к телу чекиста и носком начищенного до блеска сапога повернул голову мертвого в сторону. Глаза советского офицера были широко открыты и в них, словно в воде, отражалось голубое полуденное небо. На петлицах гимнастерки матово сверкали шпалы. Гауптштурмфюрер наклонился над трупом и брезгливо поднял, лежащее рядом с телом, оружие. Вытащив из рукоятки пистолета обойму, он посмотрел на нее. Она была пуста.

«Похоже, что этот офицер НКВД предпочел пустить себе пулю в голову, чтобы не угодить в плен, – подумал он. – Что ж, нужно отдать ему должное уважение, ведь не каждый может пустить себе пулю в голову, чтобы не попасть в плен врагу».

– Дайте мне его документы! – приказал он солдату.

Эсэсовец быстро достал из кармана гимнастерки убитого партбилет, служебное удостоверение и протянул их офицеру.

«Капитан НКВД Наумов, – прочитал капитан и усмехнулся. – Вот уж не думал, что возможна подобная встреча».

Ему была знакома эта фамилия, именно этот офицер НКВД, по данным разведки, отвечал за эвакуацию ценностей Белорусского Государственного Банка.

«Жалко, что он погиб, – снова подумал Вагнер. – Этот капитан НКВД, наверняка, много знал о маршруте перемещения ценностей».

Гауптштурмфюрер повернулся и направился к стоявшему недалеко от него «Майбаху». Черный, покрытый лаком, автомобиль сверкал своей краской и явно выделялся среди другой армейской техники. Из-за угла здания республиканского Банка вышли два солдата, которые толчками гнали перед собой раненого красноармейца, на гимнастерке которого были петлицы сотрудника НКВД. Боец был ранен в левую руку, которая словно плеть висела у него вдоль худого тела. Военнопленный, кривясь от боли и придерживая раненую руку здоровой рукой, бросал затравленный и испуганный взгляд на автоматы своих конвоиров. Правая сторона лица красноармейца была сильно поранена, и кожа рваными лоскутками свисало с его челюсти.

Заметив офицера, солдаты остановились и вытянулись по стойке «смирно». Постегивая стеклом по сапогу, Вагнер приказал солдатом подвести к нему военнопленного.

– Кто ты и как тебя звать? – спросил Вагнер пленного на чистом русском языке. – Ты – чекист?

– Нет, господин офицер, я – не чекист, – боец неожиданно для капитана вытянулся по стойке «смирно». – Рядовой Смирнов. Я – водитель, то есть шофер.

Судя по его срывающемуся от страха голосу, боец был сильно напуган и как загнанный охотниками зверь, теперь смотрел на офицера, от которого зависела его жизнь.

– Ты знаешь, кто это? – спросил его Вагнер и стеклом показал ему на труп капитана, который лежал рядом с машиной.

– Так точно, знаю. Это – начальник городского отдела НКВД капитан Наумов. Я был у него водителем, а вон там лежит труп майора Гудкова. Он был помощником военного коменданта города.

Гауптштурмфюрер улыбнулся и, ткнув ему в грудь стеклом, спросил:

– Скажи, Смирнов, а где ценности, которые хранились в городском банке? Кто и куда их вывез?

– Я не знаю, господин офицер, я ведь лишь водитель, – поблбднв, произнес боец.

Ответ водителя явно не понравился гауптштурмфюреру. Он ударил стеклом по лицу военнопленного, отчего тот вскрикнул от боли. Глаза водителя забегали в разные стороны, словно что-то искали. Офицер усмехнулся, заметив, как задрожали руки пленного.

– Не хочешь говорить, Смирнов? Дело – твое. Расстрелять, – коротко бросил гауптштурмфюрер и направился к машине.

Он открыл дверь автомобиля, но его остановил голос военнопленного.

– Не убивайте меня, господин офицер! Я все расскажу! – закричал боец, падая перед ним на колени. – Я жить хочу! Только не убивайте!

Гауптштурмфюрер махнул рукой, и солдаты остановили попытку поднять Смирнова с колен.

– Говори, Смирнов. У меня нет времени.

– Все ценности вывезли сегодня утром, господин офицер. Это произошло около часа назад.

Немец радостно усмехнулся. По его лицу пробежала победная улыбка.

– Охрана большая?

– Не очень, господин офицер. Взвод солдат, три легких танка и броневик. Я думаю, что они не могли далеко уйти...

– Молодец, Смирнов. Теперь скажи мне, куда направились эти машины?

– Куда? Я не знаю, господин офицер, но думаю, что в сторону Смоленска. Здесь одна дорога...

Гауптштурмфюрер в очередной раз усмехнулся. Он почувствовал, что фортуна вновь повернулась к нему лицом. Машины с русским золотом покинули город совсем недавно и, следовательно, не могли далеко оторваться от передовых немецких частей, которые буквально висели на плечах, отходящих на восток советских войск. Вагнер сел в ожидавший его автомобиль и, сняв с головы фуражку, вытер платком вспотевший лоб. Поднимая в воздух разбросанные по пустынным улицам обрывки каких-то бумаг и газет, «Майбах» Вагнера осторожно тронулся с места. Все улицы Минска были забиты немецкой техникой. Вдоль домов стояли автомашины, танки, бронетранспортеры, около которых сустились солдаты, где-то еще слышались автоматные очереди. Это немецкая пехота добивала остатки гарнизона Минска. Выхав за пределы города, машина помчалась в расположение штаба армии группы «Центр».

У лейтенанта Никитина явно сдавали нервы, хотя он старался держаться бодро. Он постоянно выглядывал из кабины полуторки и смотрел в прозрачное голубое небо, в котором кружили немецкие самолеты. Они делали один заход за другим, расстреливая колонны отходящих на восток войск и беженцев. Один из самолетов оторвался от строя и устремился на них.

– Воздух! – громко закричал лейтенант и машины, словно повинувшись волшебной палочке, съехали с дороги и укрылись в небольшой роще.

Самолет пронесся так низко, что им всем показалось, он готов срубить верхушки сосен. Ревя мотором, он устремился вверх и, догнав свое звено, встал в строй. Почему он не атаковал их колонну, пока оставалось загадкой для Никитина.

– Клим! Почему они не атакуют нас? – спросил лейтенант у водителя.

– Не знаю, товарищ лейтенант. Наверное, принял нас за своих.

– Едва ли, – тихо произнес Никитин. – Немцы – не дураки.

Лейтенант выглянул из кабины и посмотрел на небо, но оно было чистым, ни самолетов, ни облаков. Впервые за всю свою недолгую жизнь лейтенант был недоволен погодой.

«Сейчас бы тучек больше, да дождичка дня на два», – подумал он.

Колонна медленно выползла из рощи и двинулась снова на восток.

– Не гони! – приказал он водителю. – Не видишь что ли, машины растянулись. Водитель, молча, выполнил команду офицера. Полуторка сбросила скорость и стала прижиматься к обочине дороги.

– Товарищ лейтенант! Можно обратиться? – спросил Никитина водитель.

Лейтенант посмотрел на водителя и кивком головы дал согласие.

– Скажите, товарищ лейтенант, у вас есть семья? У вас есть родные, которые ждут вас дома?

– Почему вы меня спросили об этом? Какая разница есть у меня семья или нет?

– Я просто хотел услышать от вас, есть ли у вас семья или нет. Ведь от этого будет зависеть степень нашего риска. Когда человек один, он может позволить себе рисковать, ведь его никто не ждет.

Недослушав водителя, офицер снова выбрался на ступеньку автомобиля и оглянулся назад. Позади их машины, выстроившись в неровную цепочку, двигались остальные машины. Впереди показались небольшие группы красноармейцев, которые махали им руками, в надежде, что их подберет проходящая мимо них механизированная колонна.

– Не останавливайся! – коротко бросил Никитин. – Мы не имеем права подбирать людей.

– Как-то не по себе, товарищ лейтенант. Вот смотрю я на них и думаю, никто из них, наверное, не думал до 22 июня, что вот так сложится их судьба, что будем бежать на восток, бросая своих товарищей на растерзание немцам.

– Я что-то тебя не понял, Клим? Ты хоть понимаешь, с кем ты разговариваешь? Да тебя за такие пораженческие разговоры к стенке ставить нужно! Ты понял?!

Водитель обиженно поджал губы, он явно был недоволен ответом Никитина.

– Ну и куда нам теперь? – тихо спросил он лейтенанта.

– Пока в сторону Смоленска, а там будет видно.

Из перелеска по машинам ударил пулемет. Одна из пуль, пробив лобовое стекло полуторки, ударила чуть выше головы Никитина.

– Гони! – закричал офицер и ударил длинной автоматной очередью по кустам, что стеной стояли вдоль дороги. Один из танков развернулся и ринулся на опушку перелеска. Раздалось несколько пулеметных очередей и танк, подминая кустарник, устремился к колонне. Догнав машины, он снова занял свое место в строю машин.

– Машины в укрытие! – громко скомандовал Никитин. – Маркелов! Ко мне!

К офицеру подбежал младший лейтенант и, приложив ладонь к пилотке, громко отпортовал о прибытии.

– Как бойцы? – спросил его Никитин. – Раненых нет?

– Одного зацепило, – ответил Маркелов, – ранение легкое. Эти националисты почувствовали силу вот и вылезли из своих нор.

Лейтенант усмехнулся. Он хорошо понял, что младший лейтенант бросил камень в него, а вернее, в его ведомство – НКВД.

– Ничего, придет время – разберемся, Маркелов. Мы их всех к ногтю...

– Товарищ лейтенант, если не секрет, почему остановились? Разве мы не должны доставить этот ценный груз, как можно скорей в Смоленск?

Никитин пристально посмотрел на Маркелова. Взгляд его серых глаз был таким жестким и холодным, что младший лейтенант моментально осознал сделанную им ошибку. Он хорошо помнил инструктаж начальника особого отдела полка.

– Запомните, Маркелов, вы выполняете задание государственной важности – сопровождаете ценный груз. Какой груз – это не имеет никакого значения и еще, один бесплатный совет – никаких вопросов. НКВД не любит любознательных: нашел – молчи, потерял, тоже молчи. Так будет лучше не только тебе, но и твоим подчиненным и родным. Надеюсь, усвоил?

– Так точно, усвоил.

– Раз усвоил, иди, выполняй.

Сейчас, глядя на злое лицо сотрудника НКВД, Маркелов понял, что допустил оплошность.

– Вопросы есть? – спросил его Никитин. – Если нет – свободны. Что вы топчетесь на месте? Прикажите водителям не растягивать колонну, но и не жаться. Назначьте наблюдателей за воздухом.

– Разрешите идти? – снова спросил Маркелов.

– Идите, – ответил лейтенант и перевел свой взгляд на Лаврову, которая, воспользовавшись временной остановкой, сидела в кабине полуторки и расчесывала свои густые темнорусые волосы.

Заметив на себе пристальный взгляд лейтенанта, она смутилась и, выглянув из кабины полуторки, улыбнулась.

«А улыбка у нее очень красивая, – отметил про себя Никитин. – Да и так – она очень симпатичная девушка. Если бы не война...».

– Товарищ лейтенант! – обратилась к нему Лаврова. – Вы что так рассматриваете меня?

Она снова улыбнулась. В этот раз покраснел почему-то Никитин.

– Я на вас не смотрел, – сконфужено ответил он. – А в прочем, на вас и посмотреть не грех. Вам бы, Ольга, в кино сниматься, народ радовать своей красотой...

Развернувшись, он направился к своей машине и сел в кабину полуторки. Сняв с головы фуражку, он вытер носовым платком вспотевший лоб.

– Чего стоим, Клим? Давай, трогай!

Полуторка тихо тронулась с места и стала набирать скорость. Где-то вдалеке отчетливо слышались орудийные залпы, и трудно было понять, кто ведет огонь – немцы или наши. Эта канонада, словно кнут пастуха, гнала машины на восток. Скорость машин все возрастала и возрастала.

– Давай, сворачивай влево, – приказал Никитин водителю.

– Товарищ лейтенант, но нам нужно вправо. Вон видите указатель – Смоленск, – возразил ему Клим.

– Я сказал налево, значит, налево, – со злостью произнес Никитин. – Здесь я решаю, куда ехать – налево или направо.

Где-то недалеко затрещали автоматные очереди. Судя по звуку, огонь вели немцы.

Машины свернули на проселочную дорогу и медленно двинулись в обратную от Смоленска сторону. Эту дорогу лейтенант знал хорошо, она вела в сторону рабочего поселка. Именно в этом лесу он охотился со своим другом на кабанов.

«Когда это было? – с грустью подумал Никитин. – Придется ли еще побродить с ружьишком по лесу».

Время и эта проселочная дорога поделила его жизнь на две половины – до и после начала войны.

Гауптштурмфюрер СС Вагнер сидел на заднем сиденье автомобиля. Он опустил боковое стекло «Майбаха» и откинулся на спинку кресла. Летний теплый ветерок, залетающий в салон машины, нежно ласкал его вспотевшее лицо и осторожно, словно девушка, трепал его белокурые волосы. Он закрыл глаза, стараясь восстановить в памяти свою последнюю встречу с обергруппенфюрером СС Эрнстом Кальтенбруннером.

... На берлинских улицах было очень душно и трудно было поверить, что это всего лишь середина мая. Раскаленный солнцем асфальт, словно живой пластилин, пытался сохранить на своей поверхности отпечатки обуви прохожих и протекторы автомашин, которые заполняли улицу шумом своих моторов. Где-то далеко гремел первый весенний гром. Его раскаты были чуть слышны, так как тонули в шуме моторов и звоне трамвайных сигналов. Гауптштурмфюрер СС Вальтер Вагнер вышел из здания Министерства по делам оккупированных территорий, которое возглавлял Альфред Розенберг. Он осмотрелся по сторонам, отыскивая глазами свою служебную автомашину. Машин около министерства было достаточно много, и он не сразу заметил своего водителя, который махал ему рукой.

Три дня назад, до совещания у райхминистра Розенберга, его пригласили в ведомство обергруппенфюрера СС Эрнста Кальтенбруннера. Это было так неожиданно для Вагнера, что он невольно заволновался. Его должность заместителя начальника гестапо в небольшом французском городке была столь незначительная в общей структуре аппарата имперской безопасности, что не могла не вызвать у него удивление.

Вагнер вступил в немецкую национал-социалистическую партию в 1929 году. В тот памятный для него год он потерял работу в университете, где читал лекции по Восточной культуре и случайно познакомился с Рудольфом Гессом, с будущим заместителем Гитлера по партии. В результате этого знакомства его жизнь приобрела новую окраску и значимость. Сначала он командовал ротой штурмовиков, которая принимала активное участие в разгроме ячеек коммунистов, а затем по подсказке Гесса он связал свою дальнейшую судьбу с Гитлером, а не с вождем штурмовиков Ремом и оказался в большом выигрыше. Сейчас по истечению времени он ничуть не жалел о своем выборе.

«Майбах» неожиданно резко затормозил. Вагнер открыл глаза и посмотрел в боковое окно автомобиля. Вдоль дороги немецкие солдаты гнали колонну русских военнопленных, многие из которых еле двигались из-за полученных ранений. Один из пленных, молодой крепкий боец, попытался перебежать дорогу перед их машиной, но был остановлен ударом приклада конвоира.

– Хальт! – закричал громко солдат и направил на него автомат.

– Не останавливайся! – приказал Вагнер водителю. – Я очень тороплюсь, Гельмут.

– Яволь, господин гауптштурмфюрер.

Машина прорезала колонну, словно нож масло, и понеслась дальше. Вагнер снова закрыл глаза.

...Вальтер Вагнер стоял приемной руководителя Главного управления имперской безопасности, ожидая приглашения, и с нескрываемым любопытством рассматривал гобелены, которыми были декорированы стены приемной.

– Господин гауптштурмфюрер! Обергруппенфюрер ждет вас, – произнес дежурный офицер, вышедший из кабинета Кальтенбруннера.

Вагнер открыл дверь и, затаив дыхание, переступил порог кабинета. За большим столом сидел человек средних лет. На лице обергруппенфюрера СС блуждала непонятная Вагнеру улыбка. Он был одет в черный, безукоризненно сшитый китель, белую рубашку и черный галстук. На лацкане кителя сверкал на солнце золотой знак СС.

– Хайль Гитлер! – выбросив правую руку в нацистском приветствии, громко произнес Вальтер Вагнер.

Обергруппенфюрер СС усмехнулся и приподнял правую руку в нацистском приветствии. Он не любил эти атрибуты власти, которые иногда носили показной характер, но не ответить на приветствие он просто не мог.

– Проходите, Вагнер. Присаживайтесь, – произнес он и рукой указал ему на кресло.

Гауптштурмфюрер СС прошел к столу и сел в кожаное кресло.

– Мне доложили, что вы раньше преподавали в университете курс Восточной культуры и являетесь большим знатоком русского изобразительного искусства. Это правда?

– Так точно, господин обергруппенфюрер. Я шесть лет преподавал в университете города Кельн. Читал там лекции по Восточной культуре, в совершенстве владею русским и польским языком.

– Хорошо, гауптштурмфюрер. Все дело в том, что райхсминистр по делам восточных территорий Альфред Розенберг формирует спецподразделения по изъятию культурных и исторических ценностей с оккупированных вермахтом территорий. Я хочу, чтобы одну из таких групп возглавили лично вы. У вас имеется все необходимое для этого: знания, вы – член партии, положительно зарекомендовали себя на службе в аппарате гестапо. И еще, я просто хочу быть в курсе того, какие трофеи мы захватим у нашего вероятного противника.

Кальтенбруннер замолчал и посмотрел на сидевшего перед ним офицера. Вальтер Вагнер моментально понял, что в этом кабинете уже давно все решено и поэтому, вскочив с кресла, громко произнес:

– Спасибо за доверие, господин обергруппенфюрер. Я оправдаю ваше доверие.

– Не кричите, гауптштурмфюрер, я хорошо слышу. Вам действительно оказано большое доверие. Можете использовать любые средства для достижения поставленных перед вами целей. Я об этом дам соответствующие распоряжения. Другого ответа я от вас не ожидал. А сейчас – вы свободны. Сдайте все свои дела и ждите распоряжения.

Вальтер Вагнер выкинул руку вперед, щелкнул каблуками и вышел из кабинета. Уже в приемной он достал из кармана носовой платок и вытер им вспотевший лоб и шею.

– Гауптштурмфюрер! – обратился к нему дежурный офицер. – Пройдите в кабинет номер три и получите там все необходимые вам инструкции.

Вагнер вскинул правую руку и, щелкнув каблуками, вышел из приемной.

Лейтенант НКВД Никитин сидел в первой машине, которая следовала в метрах пятидесяти позади танков. Где-то далеко позади их остался дымящийся от пожаров Минск. Заходящее солнце било прямо в глаза лейтенанта и ему то и дело приходилось щуриться, чтобы рассмотреть лежавшую перед машиной дорогу. Мимо их машин, поднимая серую дорожную пыль, промчалась черная штабная «Эмка» в сопровождении броневика и двух мотоциклистов. Впереди, по дороге показались разрушенные бомбежкой дома, многие из которых еще горели открытым огнем. Никитину не раз приходилось бывать в этом рабочем поселке. Где-то там,

за поворотом этой улицы жил его сослуживец – Васильев Игорь, погибший два дня назад от взрыва немецкой бомбы.

Поселок был небольшим, он вырос за два года до начала войны. Рядом с проходящей через поселок дорогой дымились корпуса, уничтоженного немецкой авиацией мебельного комбината. Дорога, разбитая немецкими самолетами, не позволяла набрать нужную колонне скорость, и полуторкам часто приходилось тормозить, чтобы объезжать глубокие воронки.

– Товарищ командир, посмотрите, кто это там, – обратился к нему водитель. – Вон видите, там на дороге?

В мареве горящего на дороге автомобиля виднелись какие-то расплывчатые человеческие фигурки, которые перебежали дорогу и скрывались в придорожных кустах.

«Кто это? – с тревогой подумал Никитин, передергивая затвор автомата. – Неужели немцы? Как они могли оказаться здесь?»

Чем ближе они приближались, тем отчетливее становились силуэты. Это были немцы, которые стояли рядом со своими мотоциклами. По всей вероятности, это была вражеская разведка.

– Тормози, Клим! Уходи влево! – закричал лейтенант водителю, когда тот затормозил. Никитин буквально вывалился из машины и, укрывшись в воронке от бомбы, открыл огонь из автомата. Вслед за ним по немцам начали стрелять и другие красноармейцы охраны. Пули противно визжали, поднимали фонтаны пыли перед лицом Никитина и с визгом уходили куда-то в небо. Идущий первым танк вспыхнул ярким пламенем. Черный густой дым буквально пополз по дороге, закрывая видимость и русским, и немцам.

– Прикрой меня огнем! – крикнул Никитин Маркелову и пополз к канаве. Высокие придорожные кусты надежно скрывали его передвижение. Немцы рассыпались цепью вдоль дороги и вели огонь из автоматов и пулеметов. Оставшиеся два танка развернулись и устремились по дороге в сторону немцев. Гулко ударил крупнокалиберный пулемет, поднимая фонтаны пыли. Загорелся один мотоцикл, затем второй. Немцы, не выдержав пулеметного огня, стали отходить назад, укрываясь в развалинах разрушенных домов.

Никитин поймал в прицел перебегающего дорогу немца и нажал на курок, но услышал лишь сухой шелчок. Похоже, у него закончились в автомате патроны. Немец, перебежавший дорогу, вдруг неожиданно выронил из рук автомат и повалился в дорожную пыль.

«Кто это его подстрелил?» – подумал он, перезаряжая автомат.

Рядом с ним, в метрах пяти от него хлестко грохнул винтовочный выстрел. Он невольно оглянулся назад и увидел Ольгу, которая перезаряжала винтовку.

– Уходи! Назад, к машине! – закричал он ей. – Я приказываю, уходи!

Но, девушка, словно не слышала его. Она снова прижала приклад винтовки к плечу и, поймав в прицел фашиста, выстрелила. Голова немца дернулась, и он уткнулся лицом в землю. Бой стал принимать затяжной характер. Из переулка поселка выскочило еще несколько мотоциклистов, которые попытались разрезать колонну на две части. Раздалось несколько взрывов гранат. Танки и броневик снова двинулись вперед, стараясь уничтожить засевших в кустах и развалинах немецких мотоциклистов. Одна из бронированных машин остановилась посреди дороги. Из моторного отсека танка повалил черный едкий дым. Из башни танка показалась голова танкиста в черном шлемофоне. Он попытался выбраться из горящей машины, но пуля немецкого пулеметчика, буквально перерубила его пополам.

– Прикрой меня! – прокричал Никитин Ольге и, работая локтями, быстро добрался до крайнего дома, из окна которого бил немецкий пулемет. Достав из кармана гранату, он швырнул ее в открытое окно. Раздался взрыв. Из оконного проема вырвался столб огня и дыма. Неожиданно стрельба стихла, лишь чадили догорающие мотоциклы и подбитые танки. Около танка сновали два человека в черных комбинезонах.

– Что у вас? – спросил Никитин танкистов.

– Вовремя загасили, товарищ лейтенант, – ответил один из них. – Можем двигаться дальше.

Всем было понятно, что немцы где-то в глубине поселка перегруппировывают свои силы и готовятся к очередной атаке. Ждать было нельзя.

– Вперед! – приказал Никитин и бронированный кулак русской колонны, ринулся вперед, вслед за которым двинулись полуторки. Опять началась стрельба. Пули рвали брезентовые тенты, прошивали деревянные борта полуторок, но остановить колонну уже не могли. Странно, но немцы не стали преследовать грузовики, видимо огонь крупнокалиберного пулемета танка и броневика остудил их наступательный пыл. Проехав около двадцати километров, машины остановились в небольшом лесочке.

Где-то далеко гроыхала канонада, чем-то похожая на раскаты грома. Но в этом светлом от белых стволов берез лесочке было не по-военному тихо. Небольшой южный ветерок нежно ласкал зеленую листву. В высокой траве, в которой, яркими белыми звездочками цвели ромашки, стрекотали цикады, запах разноцветья кружил голову.

– Маркелов! – окликнул Никитин командира взвода охраны. – Доложите о потерях.

Лейтенант сел на подножку грузовика и, достав папиросу, закурил. Это был его первый открытый бой с фашистами, и его немного трясло от нервного перенапряжения.

– Товарищ лейтенант, у нас двое убитых и один боец ранен.

Уловив в его голосе несколько фальшивых нот, Никитин посмотрел ему в лицо. В какую-то секунду их глаза встретились. Не выдержав его взгляда, Маркелов отвернулся.

– Что еще, Маркелов? Ты что-то не договариваешь? Говори!

Младший лейтенант замялся, он просто не знал, как преподнести этот факт командиру.

– И еще, товарищ лейтенант, пропал без вести рядовой Лихачев. Виноват – не доглядел.

– Как это так, пропал? – с возмущением переспросил его Никитин. – Ты хоть понимаешь, что это значит?!

– Я не знаю, как все это произошло, товарищ лейтенант, – вытянувшись в струнку, произнес Маркелов. – Вроде бы стрелял недалеко от меня, но в машине его потом не оказалось. Может, погиб, а может...

Младший лейтенант не договорил, давая понять Никитину, что Лихачев мог и остаться, чтобы перейти на сторону немцев. Маркелов замолчал и виновато посмотрел на чекиста.

– Плохое начало, – тихо произнес лейтенант, заметив, что к их разговору стали прислушиваться водители автомобилей и красноармейцы. – Откуда он родом?

– Из Полесья, товарищ командир. Его только весной призвали в армию. Я плохо его знаю, он из другой роты.

Никитин, как офицер госбезопасности хорошо знал, что в самом начале войны многие командиры Красной Армии всячески скрывали факты добровольного перехода бойцов на сторону врага, внося их фамилии в списки погибших. Так было намного проще, ведь по каждому факту перехода на сторону немцев должна была проводиться служебная проверка, результаты которой могли сказаться не только на карьере командира, но и на его дальнейшей судьбе.

Маркелов виновато посмотрел на Никитина. В исчезновении бойца взвода охраны он видел и свою вину.

– Плохо, Маркелов. Операция наша – секретная, а у тебя – перебежчик.

– Виноват, товарищ лейтенант. Готов нести наказание по законам военного времени.

Никитин усмехнулся.

– Держи эту информацию за зубами, понял? Как машины? – чтобы разрядить ситуацию, спросил Маркелова лейтенант. – Все могут продолжать движение?

– Слава Богу, пока все на ходу. Двигаться могут. Жалко, потеряли танк, но что сделаешь...

Никитин повернул голову, услышав женский голос.

– Лаврова! – окликнул он ее. – Подойдите ко мне.

Надев на голову венок из полевых ромашек, девушка, молча, подошла к нему.

– Скажите, где вы так хорошо научились стрелять, Лаврова? – спросил ее Никитин.

– В школе «Ворошиловский стрелок», товарищ лейтенант. Я – мастер спорта по стрельбе и плаванию.

– Здорово! По вам не скажешь, что вы – мастер спорта. Такая утонченная...

– Внешность обманчива, товарищ лейтенант. Вы тоже совсем не похожи на сотрудника НКВД.

– Почему?

– Не знаю, но вы не похожи на чекиста, у вас глаза добрые, – ответила она и задорно засмеялась.

Никитин тоже улыбнулся и внимательно посмотрел на стоявшую перед ним девушку. Ей было лет двадцать. Внешность ее была необычной. У нее были пышные густые светло-русые волосы, что придавали ее красивому лицу какую-то фантастическую загадочность, которая буквально завораживала взгляд любого мужчины. Высокая грудь, красивые ноги делали ее похожей, на артистку театра.

«А она, чертовски хороша, – первое, что пришло в голову Никитина. – Одно слово – королева».

– У вас еще есть какие-то вопросы ко мне, товарищ Никитин? – спросила девушка и улыбнулась, непроизвольно ощутив симпатию к этому молодому офицеру.

Лейтенант был чуть выше среднего роста, широк в плечах. Его лицо, потемневшее от летнего загара, было довольно привлекательным для женщин, Темно-русые волосы, голубые, словно васильки, большие глаза, чувствительные губы...

– Есть, Лаврова, есть. Я прошу вас запомнить, что здесь – я командир и мои приказы должны беспрекословно исполняться. Вам это понятно или нет? Следующий раз за отказ выполнять мои приказы, – он не договорил, так как и без этой устрашающей фразы было ясно, что он хочет сказать.

– Понятно, товарищ лейтенант, но я – не ваша подчиненная. Насколько я понимаю, это вам приказали доставить меня в Смоленск, а не мне вас. Так что, вот и выполняйте полученный приказ.

«А она не так и проста, – подумал Никитин. – Палец в рот не клади, откусит руку по локоть».

– Вы правы, я действительно должен вас доставить в Смоленск, поэтому я и прошу вас выполнять мои указания. Извините, но я не потерплю анархию. Вам это понятно, Лаврова?

Он хотел сначала сказать приказы, но потом решил, что будет намного лучше, что если он поменяет слово приказ на указания.

– Хорошо, товарищ лейтенант. Больше у вас ко мне претензий не будет.

Никитин проводил ее взглядом, отметив про себя ее великолепную фигуру, и посмотрел на Маркелова, который внимательно наблюдал за ним со стороны.

– Давай, младший лейтенант, трогаемся! – приказал Никитин Маркелову. – Раненых бойцов передадим работникам медсанбата по ходу движения колонны.

Они разошлись по машинам. Вскоре машины взревели моторами, колонна медленно снова двинулась в сторону Смоленска.

Рядового Лихачева призвали в ряды Красной армии ранней весной 1941 года. Накануне он долго разговаривал с отцом по поводу призыва.

– Сын, ты – взрослый человек и сам должен понимать, что сидеть годами в лесу непросто. Кто знает, как долго будет эта власть. С другой стороны, армия может научить тебя многому.

– Батя, но я не хочу служить этой власти. Они отобрали у меня будущее, а ты говоришь, иди и служи. Я убивать их готов, а не служить им.

– Придет время, сынок, и мы пустим им кровь, мы им все вспомним...

Утром Лихачев с вещевым мешком прибыл в сельсовет. Около конторы уже толпилась толпа провожающих призывников. Парни из деревни с нескрываемым интересом наблюдали за ним, так как он пришел на сборочный пункт совершенно один.

– Ну, что, Борис! Мы, смотрим, и ты решил послужить новой власти? – спросил его Беркович. – Вот уж не думал увидеть тебя здесь. Интересно, а где твой отец – кулак?

Берковичи были самыми бедными в их деревне и поэтому с приходом Советской власти в Полесье первыми приняли ее. Уже через неделю Олег Беркович вместе с председателем поселкового Совета и сотрудниками ОГПУ начали зачистку деревни. Вскоре вся эта компания вошла во двор Лихачевых. Сотрудник ОГПУ и председатель Совета бесцеремонно прошли в дом и стали переписывать имущество. Отец Бориса, молча, наблюдал за происходящим.

– И зачем вы все это переписываете, господин начальник? – с трудом выдавил он из себя несколько слов. – Это же не ворованное, все заработано вот этими руками.

Чекист посмотрел на мужчину, на его сильные мозолистые руки и улыбнулся.

– Ты бы помолчал, мироед, – произнес председатель. – Аль забыл, как ломали мы спины на твоей маслобойне, как ты издевался над нами.

Старик словно не услышал этой реплики. Он посмотрел на председателя и усмехнулся.

– Может, ты забыл, Афанасий, как валялся у меня в ногах, прося хоть какой-то работы. А теперь, вот ты – начальник, а я – мироед.

– Вот это можете забирать в Совет, – произнес чекист и указал рукой на резной буфет. – Думаю, что лишним он у вас не будет. Ткани и полотенца – отдайте малоимущим сельчанам.

Переписав имущество, комиссия покинула дом, уводя с собой ее хозяина. Отец Лихачева вернулся домой через неделю. Он заметно похудел, лицо было серым, а в глазах его появился недобрый огонь. Он выпил стакан самогона и направился в баню.

– Запомни, сынок, убивать их нужно, всех без всякого разбора – произнес он, сунув под мышку чистое нательное белье. – Нет у них ни Бога, ни черта. Они сами хуже дьяволов.

– Что так? – спросила его супруга.

– Знаешь, сколько они постреляли? Перебили всех: Михайловых, Гуревичей и многих других.

Прошло около года и вот они снова столкнулись лицом к лицу: Лихачев и Беркович.

– Это почему, ты решил, что я не могу служить Советской власти? – спросил его Лихачев. – Власть она и есть власть, ей служить нужно. Вот видишь, ты – голодранец, а я из зажиточных крестьян, как ты говоришь, а будем вместе служить власти. Выходит, власти безразлично, кто ей служит...

– Власть может и безразлично, а мне вот нет! – ответил Беркович и словно молодой петух, выпятив вперед грудь, двинулся в сторону Бориса.

Заметив это, Лихачев сплюнул на землю и демонстративно отвернулся от Берковича. Тот схватил его за руку и их взгляды встретились. В глазах обоих сверкала ненависть.

– Тогда, что ты сидишь здесь на завалинке и точишь лясы. Иди, расскажи военному комиссару, что они сделали ошибку, призывая меня на службу. Может, он и послушает тебя и отпустит меня домой. Давай, иди, а я посмотрю...

После этих слов, Лихачев заметил, как около Берковича моментально образовалась группа молодежи, которая с нескрываемой ненавистью наблюдала за их спором.

«Похоже, драки не избежать, – подумал Лихачев. – Пусть только тронут, посмотрим – кто кого».

Борис Лихачев был сильным от природы парнем и не боялся с помощью кулаков решать возникавшие в жизни проблемы. Он уже приготовился ударить Берковича в кончик носа, но вдруг входная дверь сельсовета резко распахнулась, и на пороге появился военком. Все повернули головы в его сторону.

– Ну что, воины, готовы отдать свой гражданский долг Родине? – громко спросил их военком. – Сейчас подойдут подводы и тронемся на станцию.

– Товарищ военком! – обратился к нему Беркович. – Скажите, а вы знаете, что Лихачев из кулаков? Как же мы будем служить вместе с ним. Они с отцом – враги нашей власти...

– погоди, Беркович, не тараторь. Может, у него, как ты говоришь, отец и кулак, но причем здесь он? Ты же видишь, что он добровольно прибыл на сборочный пункт, а это значит, что он осознал свое социальное положение и готов искупить вину перед Советской властью.

«Ну, погоди, Беркович, придет время, и ты еще умоешься кровью», – подумал Борис.

– Я – комсомолец, товарищ военком, и я обязан был доложить вам о Лихачеве, – уже менее уверенно произнес Беркович.

– Молодец, Беркович! – громко произнес военком. – Как говорил товарищ Сталин, с победой пролетариата классовая борьба не только не прекращается, а наоборот – усиливается. Если бывший враг склоняет голову, мы должны быть милосердны к нему, так как он уже не опасен.

Из-за ближайших домов показались две подводы. Призывники побросали в них свои вещевые мешки, попрощались со своими родными и близкими. Послышалась команда, и подводы медленно двинулись в сторону станции.

Служба Лихачеву давалась легко. Командир роты неоднократно приводил его в пример другим бойцам. Он легко выполнял все нормативы по боевой и физической подготовке, был активным и на политзанятиях. Однако, он постоянно ловил на себе взгляд Берковича, который не сулил ему ничего хорошего. Однажды, в мае 1941 года, находясь в наряде, он услышал разговор Берковича с одним из бойцов роты, которые неодобрительно высказывались о «чистке» в рядах Красной армии.

– Василий, я сегодня получил письмо из дома. Мать пишет, что немецкие самолеты ежедневно пролетают над нашей деревней. Спрашивает меня, будет ли война с Германией? Вот я и думаю, если начнется, то кто поведет наши войска в бой. Тухачевского – нет, Блюхера – нет, Якира – нет. Сотни арестованных и расстрелянных командиров. Разве что Ворошилов и Буденный...

– А может, немцы просто нас пугают, то есть, берут на «понт». Главное напугать, а там делай, что хочешь.

– Нет, Василий, немцы не пугают, это – не бандюги. Они заставляют нас привыкать ко всем этим полетам. Когда привыкнем, вот тогда они и ударят по нам.

– Да брось ты! Мы сами можем ударить по ним так, что только мокрое место останется от немцев. Ты только посмотри, все леса забиты войсками, на аэродромах тысячи самолетов, новые танки... Разве этого мало?

Похоже, они что-то заподозрили, поэтому замолчали. За дверью стало тихо. Борис вовремя успел отойти от двери. Она неожиданно открылась, и из-за нее выглянуло напуганное лицо Василия. Убедившись, что их никто не подслушивает, они продолжили свой разговор.

«Вот ты родимый мой и попался, – подумал Лихачев, потирая ладони. – Дождался...».

Всю ночь он писал донесение начальнику Особого отдела полка. Немного подумав, он дописал, что Беркович плохо отзывался и о товарище Сталине, называл его палачом русского

народа. Закончив писать, он долго думал подписываться под доносом или нет. Наконец он принял решение, сложив листочек бумаги, пополам, он оставил свой пост и, скрываясь в тени зданий и казармы, Борис направился в кабинет начальника Особого отдела полка.

Утром следующего дня выдалось как никогда теплым и солнечным. Сменившись с поста, Лихачев направился в распоряжение своей роты. Навстречу ему попался командир взвода. Он был бледен, и как тогда показалось Лихачеву, чем-то напуган. Борис четко отдал ему честь, но лейтенант рукой остановил его движение.

– Не спеши, Лихачев. В роте идет шмон. Особисты злые, как собаки, кричат на всех. Утром арестовали двух бойцов и ротного. Посиди на лавочке, покури...

Лицо Лихачева вспыхнуло, и трудно было разобрать отчего, то ли от радости, то ли от страха.

– И за что их арестовали, товарищ лейтенант?

– Не знаю. Говорят, что за антисоветскую пропаганду. Беркович якобы создал эту самую группу троцкистов.

«Вот и все! Прощай, Беркович!», – радостно подумал Борис и почувствовал небывалый ранее прилив радости.

Вечером его вызвал сотрудник Особого отдела полка.

– Проходи, Лихачев, проходи, – произнес чекист, когда Борис доложил ему о прибытии. – Как дела, Лихачев?

– Служим, товарищ младший лейтенант, – теряясь в догадках, ответил Борис.

– Как дома? Отец пишет? – сердце бойца екнуло.

«Почему он спросил меня о доме?», – подумал Борис.

– Скажи, Лихачев, это ты написал донос на Берковича? Только не нужно отпираться, я вычислил тебя по почерку. Ты ведь один во взводе такой грамотный, что пишешь без ошибок. Да ты, не бойся. Никто не узнает о нашем с тобой разговоре...

Лихачев пристально посмотрел на чекиста. В том, что тот вычислил его, он не сомневался.

«Если ты все знаешь, то зачем спрашиваешь меня об этом?», – подумал Борис.

– Я жду, Лихачев! – строго произнес младший лейтенант. – Ты меня слышишь?

– Да, – немного подумав, выдал из себя Борис. – Я просто написал о том, что слышал...

Офицер усмехнулся и, достав из кармана галифе пачку папирос, закурил.

– Молодец, Лихачев, хвалю за бдительность. Садись за стол, бери в руки ручку и начинай писать. Чекист диктовал, а он, обливаясь потом, писал.

– Написал? Вот и хорошо. С этого дня ты становишься секретным агентом. Пока поступай, как поступил с Берковичем, то есть – слушай, кто, о чем говорит, я имею в виду, – против Советской власти и Красной Армии. Усвоил? Тогда иди. Ты больше сюда не приходи, я сам найду тебя.

С этого дня Лихачев начал информировать Особый отдел полка о настроениях военнослужащих, об их высказываниях. Иногда он придумывал сам, но чаще всего писал правду. Война нагрянула неожиданно и он, оказавшись во взводе сопровождения ценного груза, моментально принял решение, что при первом удобном случае он перейдет к немцам. Бой в рабочем поселке как раз оказался этим случаем. Бросив винтовку, он отполз в сторону немцев и спрятался в разбитом бомбежкой доме.

Бориса Лихачева втокнули в кабинет гауптштурмфюрера СС Вагнера. Лицо его было все в запекшейся крови и напоминало скорей какую-то страшную и непонятную маску сказочного чудовища. Он с трудом держался на ногах, и поэтому его приходилось поддерживать двум эсесовцам, чтобы он не рухнул на пол.

Офицер встал из-за стола и подошел к военнопленному. Он пальцем поднял подбородок бойца и заглянул ему в глаза.

– Кто ты? – спросил он у Лихачева, хотя уже знал, что этот красноармеец вчера добровольно сдался в плен.

– Красноармеец Борис Лихачев, – с трудом произнес военнопленный. – Я добровольно сдался в плен, господин офицер. Я не хочу воевать за Советскую власть.

Немец усмехнулся. В свете керосиновой лампы сверкнули две молнии в его правой петлице.

– Что тебе сделала эта власть, что ты ее ненавидишь?

– Они лишили нас всего, что было в нашей семье.

Гауптштурмфюрер улыбнулся. Он хорошо знал, что десятки тысяч военнопленных сдались по тем же причинам, не желая защищать власть Сталина.

– Что перевозили ваши грузовики? Ты же был в охране этого груза?

– Не знаю, господин офицер. Груз был в деревянных ящиках из-под снарядов. Мы погрузили ящики за полчаса до начала движения. Могу сказать лишь одно – ящики были очень тяжелыми, словно в них были какие-то камни.

– Где получали груз? – спросил его Вагнер. – Почему ты молчишь?

– Грузили из подвала республиканского Банка в Минске. Вместе с ящиками мы погрузили более десятка больших брезентовых мешков.

– Сколько было ящиков?

– Не знаю. Могу сказать лишь одно, что ящиков было много и все они были очень тяжелыми. Мы с трудом поднимали их в кузов. А в мешках, похоже, были какие-то бумаги, упакованные в пачки. Все ящики и мешки были опечатаны банковскими сургучовыми печатями.

«Золото, – сразу подумал гауптштурмфюрер. – Таким тяжелым бывает лишь золото».

– Сколько машин в колонне?

– Восемнадцать, господин офицер. Машины сопровождали три танка и броневик. Один танк ваши солдаты подбили в поселке.

Гауптштурмфюрер СС резко повернулся и направился к столу. Он взял в руки рапорт командира взвода разведки танкового корпуса и пробежал по нему глазами.

– Почему на ваших машинах надпись «Почта»?

– Не знаю, господин офицер. Я – рядовой красноармеец, откуда мне это знать....

Вагнер сел в кресло и откинулся на спинку. Немного подумав, он приказал отвести военнопленного в сарай. Оставшись один, он развернул карту и красным карандашом отметил место боя.

«Это совсем рядом с Минском, – подумал он. – Где-то километров сорок, не больше. Машины с таким тяжелым грузом не могут ехать быстро. Следовательно, необходимо создать маневровую мобильную группу, которая должна будет буквально висеть на хвосте этой колонны».

Он встал из-за стола и, открыв створку резного буфета, достал из него бутылку коньяка. Налив жидкость в хрустальную рюмку он поднял ее и посмотрел на свет. Светло-коричневая жидкость играла в гранях хрусталя, искрилась в лучах лампы. Он медленно выпил коньяк, отметив про себя его изысканный вкус, и закусил долькой лимона.

«Франция..., – отметил он. – Лучше французского коньяка ничего на свете нет».

Взгляд Вагнера снова упал на карту.

«Нет, они не станут рисковать и двигаться в составе колонн, отходящих на восток войск. Это опасно, так как они постоянно попадают под удары нашей авиации. Следовательно, они будут передвигаться самостоятельно, вдали от колонн отходящих войск, – подумал гауптштурмфюрер. – Надо отдать приказ, запрещающий войскам атаковать эту колонну. Нужно загнать ее в западню и захватить...».

Он снова налил в рюмку коньяк и выпил.

Дорога шла через лес. Было все знакомо: березы, словно русские красавицы, мелькали среди темных и серьезных елей, покачивая своими зелеными шапками. Сгрудились в группы вековые сосны, однако что-то произошло в природе, и все эти красоты зеленого мира были немного другими, какими-то настороженными и испуганными. Кое-где, на деревьях виднелись следы от осколков и пуль. В прозрачном и бездонном небе вереницами шли на восток армады немецких самолетов, разрывая тишину ревом авиационных моторов.

– Воздух! – закричал Никитин, выбравшись на подножку грузовика. – Воздух!

Машины быстро разъехались в разные стороны, стараясь укрыться от немецких самолетов под кронами вековых деревьев. От звена летящих на восток самолетов, отделились два Ю-87. Они завалились на правое крыло и стремительно понеслись вниз к дороге, по которой минуту назад двигалась колонна советских грузовиков. Включив раздирающую слух сирену, они, словно ястребы, неслись к земле. Звук авиационных моторов и сирены был таким громким, что невольно вселял в души людей какой-то первобытный страх. Наконец от самолетов отделились по две черные точки, которые с пронзительным воем, устремились вниз. Красноармейцы успели выскочить из машин и залечь в кювете. Первые бомбы легли в метрах тридцати от машин. Град камней и осколков вспорол автомобильный тент машины Никитина и выбил лобовое стекло.

«Надо же, чуть не угодил в машину, – первое, о чем подумал лейтенант. – Повезло...».

Услышав вновь нарастающий вой падающих бомб, Никитин вжался в землю, прикрыв голову руками. Бомбы упали между деревьев, не повредив ни одной машины. Лейтенант повернул голову и посмотрел на лежавшего рядом с ним водителя. Лицо Клима было бледным и потным. Небольшой осколок стекла вспорол ему левую щеку, и алая кровь обильно текла с его лица на выгоревшую от солнца гимнастерку.

– Ничего, Клим! Мы еще поживем, – пытаюсь взбодрить его, произнес лейтенант. – Сейчас закончится бомбежка и посмотрим, что с твоей щекой.

Почувствовав на себе чей-то пристальный взгляд, лейтенант повернул голову и увидел Ольгу, которая буквально сверлила его своими глазами.

«Странно», – подумал он. Взгляд ее был таким тяжелым, что он невольно ощутил какой-то непонятный ему холодок между лопаток. Ему уже приходилось сталкиваться с подобным взглядом, когда он в составе отряда особого назначения выгребал хлеб из ларя крестьянина. Нет, он не просил, чтобы они оставили часть зерна ему. Он просто смотрел на них вот таким же взглядом, каким сейчас смотрела на него Ольга.

Самолеты сделали очередной заход. Похоже, немецкие пилоты потеряли колонну и просто сбросили бомбы наугад, так как те взорвались метрах в ста пятидесяти сзади колонны.

– Пронесло! Слава тебе, Господи, – выдавил из себя Клим и посмотрел на лежавшего рядом с ним лейтенанта НКВД. – Неужели улетели, сволочи?

– Похоже, – не совсем уверенно ответил Никитин, поднимаясь с земли.

Офицер отряхнул с себя приставшие к гимнастерке и галифе сухие еловые иголки и повернулся в сторону младшего лейтенанта, который, поднявшись с земли, направлялся в его сторону.

– Маркелов! Потери есть? – спросил он его.

– Нет! – коротко ответил младший лейтенант.

– Поднимай людей, нужно трогаться, – приказал ему Никитин.

Лейтенант нашел глазами Ольгу. Она стояла около машины и отряхивала свое платье от прилипших к ткани сухих еловых иголок и травы. Неожиданно их взгляды встретились. Как показалось Никитину, девушка улыбнулась ему.

– Оля! Минуту назад я поймал на себе ваш взгляд и был немного удивлен. Вы смотрели на меня, как на врага.

– Вам показалось, лейтенант. Какой вы мне враг? Вы скорей мой ангел-спаситель.

– Надо же, ангел – спаситель... – ответил он и усмехнулся. – Хорошо, пусть будет так.

Его реплика осталась без ответа. Лаврова повернулась и направилась к машинам.

– Заправить машины! – громко приказал водителям лейтенант. – Маркелов, проверьте выполнение приказа

Машины были быстро заправлены горючим, и группа двинулась дальше. Впереди показалась дорога «Минск-Смоленск», по которой непрерывным потоком двигались колонны отступающих войск и беженцев. Все смешалось в этом людском потоке: люди, машины, орудия, танки, скот, который гнали на восток. Уставшие животные оглашали колонну своим ревом, и иногда казалось, что это кричали не голодные животные, а уставшие и напуганные люди. Двигаться в общем людском потоке было опасно, так как немецкая авиация совершала регулярные налеты и укрыться в этом людском море, было просто не возможно.

Ведущая полуторка Никитина вырвалась из потока и остановилась у обочины, поджидая другие машины.

– Маркелов! – позвал он лейтенанта.

– Что нужно? – ответил младший лейтенант и вразвалочку направился в сторону лейтенанта.

Лицо Никитина стало багровым от негодования.

– Что за обращение, товарищ младший лейтенант? – строго спросил его Никитин. – Вы что, устав забыли? Может вам его напомнить! Я не потерплю панибратства! Вы это поняли или нет? Здесь – я командир, а вы – мой подчиненный! Вам это ясно, младший лейтенант?

С лица Маркелова сползла улыбка, а в глазах появились злые огоньки. Он отошел метра на три назад и, поправив гимнастерку, чеканя каждый свой шаг, направился к Никитину.

– Извините, товарищ лейтенант государственной безопасности! – произнес он, принимая положение «смирно». – Извините, больше подобного не повторится!

– Хорошо, Маркелов. Сейчас война и армия без дисциплины становится похожей на стадо коров. Думаю, что в составе общей колонны беженцев нам двигаться нельзя. Поэтому, приказываю, двинемся вот по этой дороге. Как считаете вы? – произнес лейтенант и протянул ему карту, на которой красным карандашом была отмечена проселочная дорога.

Младший лейтенант закусил от обиды губу, посмотрел на карту.

«Интересно, когда он мог нанести на карту этот маршрут? – подумал Маркелов. – Наверняка, этот маршрут был заранее разработан НКВД, еще там, в осажденном Минске».

– Как прикажете, товарищ лейтенант. Вы – командир, вам и решать.

Машины по команде Никитина свернули в сторону и, переваливаясь из стороны в сторону, словно сытые животные, медленно двинулись через поле в сторону синееющего вдали леса.

Лейтенант посмотрел на наручные часы, которые показывали начало восьмого вечера.

«Когда же стемнеет, – подумал Никитин. – Такие длинные дни. Люди устали, нужен привал».

Выглянув из кабины, он махнул рукой. Машины съехали с проселочной дороги и быстро скрылись в лесу.

– Привал! – громко скомандовал чекист. – Машины осмотреть и заправить. Всем быть готовым к движению в любую секунду!

«Интересно, немцы знают о нашей колонне или еще нет?» – подумал он, усаживаясь под березой.

– Лаврова! – окликнул он девушку, которую заметил среди водителей.

Она подошла к нему и посмотрела, ожидая, по всей вероятности, какой-то команды.

– Оля! У меня в кабине плащ-палатка. Возьмите ее, как-то нехорошо с голыми ногами среди мужчин...

Девушка усмехнулась.

– Это приказ, товарищ лейтенант?

– Нет. Это скорей забота о вас... Впрочем, решайте сами.

Заметив Маркелова, девушка развернулась и, взяв из кабины машины плащ-палатку, скрылась за машинами.

– Долго будем загорать, товарищ лейтенант. Скажите, почему мы не направляемся в Смоленск, а кружим по какому-то непонятному всем кругу.

– Так надо, Маркелов. Где сейчас немцы ищут нашу колонну? Все правильно, а мы у них буквально под носом. Вот в этом и заключается мой план. Готовь людей к отдыху – выстави боевое охранение, остальным отдыхать.

– Еще один вопрос, товарищ лейтенант? Скажите, что за груз, который мы перевозим?

Никитин усмехнулся и пристально посмотрел на Маркелова.

– Придет время, все узнаешь, младший лейтенант. Идите, выполняйте приказ.

Ночь выдалась теплой. Темное небо пестрило миллиардами звезд. Где-то в глубине леса ухал филин. Бойцы спали. Никитин обошел стоянку колонны и, убедившись, что все идет по плану, вернулся к машине. Недалеко, укрывшись старенькой, выдавшей многое телогрейкой, похрапывал водитель. Лейтенант с завистью посмотрел на Клима, который во сне, словно маленький ребенок, шевелил пухлыми губами. Никитин посмотрел на восток. Утро тихо ступало по сонному лесу, пряча немые ночные тени в глубине леса. Солнечные блики падали сквозь ветви деревьев, дотрагиваясь до травы, играя на ней маленькими бриллиантинами.

«Как красиво, – подумал Никитин, – словно и нет войны».

Пахло утренней свежестью, прошлогодней листвой. В сердце природы разгоралась утренняя заря – кроткая, чарующая, ласковая. Это тихая нежность не умела кричать и поэтому она понимала, что ее красота и заключается в этой лесной тишине. Лейтенанту в этот миг захотелось удержать это природное счастье, не потревожить его ревом моторов и гулом человеческих голосов.

«Надо будить людей» – подумал он и поднялся на ноги.

– Подъем! Подъем! – громко выкрикнул он. – Тридцать минут на прием пищи!

Вскоре колонна тронулась. Машины ехали медленно, словно никуда не торопились.

– Товарищ лейтенант! Что мы плетемся как черепахи? – спросил чекиста водитель. – Так мы до Смоленска никогда не доберемся.

– Не торопи время, сам знаешь, какой груз везем. Здесь суетиться нельзя...

На лице Клима появилась язвительная улыбка.

– Вы, товарищ лейтенант, думаете, что эта лесная дорога приведет нас в Смоленск? Напрасно... Я эти места знаю, эта дорога, по которой сейчас мы двигаемся, выведет нас на дорогу «Минск-Смоленск». Мы всего-то в шестидесяти километрах от Минска.

Дорога резко свернула направо. Они снова оказались на дороге, забитой беженцами и отходящими на восток частями Красной армии.

Красноармеец Лихачев, молча, смотрел на немецкого офицера, который сидел за столом и что-то быстро писал на листе бумаги. Иногда он отрывался от бумаг и, посмотрев на военнопленного, снова продолжал писать. Дверь открылась, и в комнату вошел уже знакомый Борису офицер в черном мундире СС.

– Хайль Гитлер! – выкрикнул вошедший и выбросил правую руку вверх.

Офицер начал что-то громко и сбивчиво докладывать Вагнеру, то и дел, бросая свой взгляд на военнопленного.

– И так, вы готовы служить великой Германии? – спросил Лихачева Вагнер. – Я не слышу ответа.

– Так точно, господин офицер, – ответил военнопленный. – Я всегда ненавидел большевиков...

Гауптштурмфюрер СС усмехнулся и правой рукой провел по своим волосам. Он почему-то не верил этому русскому, который добровольно сдался им. Но в разработанном им плане данная фигура была просто необходима. Открыв серебряный портсигар с монограммой, он достал сигарету и прикурил от зажигалки. Офицер, не отрываясь, смотрел на Лихачева, отчего тот почувствовал себя крайне неудобно.

– Скажите, Лихачев, вы знаете, что вас может ожидать в случае провала? Вас просто расстреляют, а может, и повесят. Этого мало, за вас ответит и ваша семья...

– Конечно, – не совсем уверено ответил Лихачев. – Но я готов рискнуть, господин офицер. Риск – удел смелых людей!

Вагнер пропустил эту пафосную реплику о храбрости.

– Вы правы, Лихачев, вас просто расстреляют прямо на месте без суда и следствия. Поставят под елочку и раз, и вы уже на небе, – произнес Вагнер, демонстрируя руками движение автомата.

Он заметил, как в глазах Лихачева мелькнул страх.

«Испугался, – мелькнуло в голове гауптштурмфюрера СС. – Сломался. Сейчас ему абсолютно безразлично, кто его расстреляет».

– Я уверен, что машины с грузом едва ли прорвутся в Смоленск, – как бы, между прочим, произнес немец. – Следовательно, русские будут каким-то образом складировать свой груз в лесу или специально отведенных для этого местах. Твоя задача, Лихачев, запоминать эти места и больше – ничего. Ничего! Ты это понял?

– Так точно, господин офицер, запоминать места складирования груза.

– Все тонкости, легенду о том, как ты смог догнать свою группу охраны, тебе расскажет штурмфюрер Хольц. Слушай внимательно, оттого как ты все это усвоишь, будет зависеть твоя дальнейшая жизнь...

Вагнер что-то сказал офицеру и, поднявшись из-за стола, вышел из комнаты. В какой-то момент сомнение в исходе операции буквально захлестнуло гауптштурмфюрера, но это продолжалось всего какое-то мгновение. Уверенность снова победила в нем. Он вышел на улицу и улыбнулся яркому летнему солнцу. Увидев свою машину, он направился к ней.

– В штаб армии, – приказал он водителю.

– Яволь, гер гауптштурмфюрер.

Машина, поднимая клубы серой пыли, помчалась по дороге.

«Где же сейчас эта колонна? – подумал он. – Не могла же она раствориться в воздухе».

Зная тактику русских, он сразу понял, что колонна едва ли будет передвигаться по основной дороге – большой риск, а это значит, что они будут использовать малоизвестные проселочные дороги, которых на немецких топографических картах нет.

Колонна Никитина остановилась около небольшого села. Лейтенант долго рассматривал в бинокль ближайшие к речке дома, гадая, есть ли в деревне немцы или нет.

– Маркелов! Направь в село разведку, – приказал ему лейтенант. – Пусть понюхают, если там немцы или нет.

– Может не стоит рисковать, товарищ лейтенант? Давайте, обогнем село.

– Вы слышали мой приказ, товарищ младший лейтенант? Не заставляйте меня повторять приказы.

Маркелов, молча, направился к бойцам, которые отдыхали рядом с машинами.

«Крутит что-то лейтенант, – подумал младший лейтенант. – Зачем нам это село? Вода и продовольствие еще есть. Может, еще заставит пройтись парадным строем...».

Трое разведчиков, скрываясь за зеленью кустов, выдвинулись в сторону села. Лейтенант Никитин сидел на пенке и смотрел на блестящую гладь небольшой речки. В голубой воде плескалась и играла рыба. Где-то совсем рядом, от него послышался всплеск воды. Он встал и направился к кустам. Рука офицера осторожно раздвинула тальник. В воде, словно русалка, плескалась Ольга. Ее белая, мокрая от воды фигура буквально сверкала в лучах яркого летнего возраста.

«И когда она все успевает, – подумал лейтенант. – Полчаса, как стоим, а она уже в воде. Я бы тоже сейчас искупался – жарко».

Словно что-то почувствовав, девушка быстро вышла из воды и скрылась в зелени кустов. Никитину почему-то стало стыдно за себя. Он отошел от кустов и направился в сторону машин, которые стояли в метрах ста от берега речки.

– Маркелов, что с разведкой, еще не вернулась? – спросил он младшего лейтенанта, который лежал под березкой, прикрыв лицо фуражкой.

Тот поднялся и, поправив на себе гимнастерку, доложил:

– Разведка еще не вернулась, товарищ лейтенант. Как вернется, я вам сразу доложу.

– Что-то долго они там, – озабочено произнес Никитин и сел на землю. – Садись, Маркелов, не стой, в ногах правды нет.

– Да и на пятой точке ее не найти, товарищ лейтенант, – ответил он и, сняв с головы фуражку, присел рядом с ним.

– Ты знаешь, Маркелов, мне кажется, что нужно переодеть девушку, – как бы, между прочим, произнес лейтенант. – Уж больно яркое у нее платье, за версту его видать. Да и война сейчас, а в колонне одни мужчины. Как бы что не произошло.

– А мне, наоборот, нравится, товарищ лейтенант, – в тон ему возразил Маркелов. – Да и где я найду на нее форму, сами подумайте, кругом мужики.

– Здесь не танцплощадка. Найдите что-то для нее...

– Хорошо, товарищ лейтенант, попробую.

– Вот и хорошо, исполняйте.

Они словно по команде оба повернулись и посмотрели на Лаврову, которая шла в их сторону. Она держала в руках небольшой букетик полевых ромашек. Ее тонкое платье было почти прозрачным в лучах летнего солнца и офицеры с каким-то трепетным чувством рассматривали ее до тех пор, пока она не скрылась среди машин. Маркелов посмотрел на Никитина и их взгляды встретились.

– Теперь ты понял меня, младший лейтенант, переодень ее. Я не хочу, чтобы среди мужиков что-то произошло.

– Понял, командир.

Никитин посмотрел на часы, шел третий час, как ушла в деревню разведка.

– Идут! – радостно произнес Маркелов, – и, кажется не одни.

Лейтенант поднялся с земли и, надев фуражку, направился к разведчикам. Впереди двигалась подвода, на которой сидел красноармеец, голова которого была перевязана грязным бинтом. Темные пятна бурой крови отчетливо выделялись на бинте. Маркелов чуть ли бегом бросился к разведчикам. Переговорив с ними, он вернулся к Никитину.

– Товарищ лейтенант! Населенный пункт пуст. Жители, похоже, ушли в лес, – доложил ему Маркелов. – Можно двигаться дальше.

– Ты хочешь сказать, что в деревне никого нет? – спросил Никитин у Маркелова.

– А разве подобного не может быть, товарищ лейтенант? – возразил ему младший лейтенант. – Разведчики обнаружили только двоих в деревне, и вы не поверите, один из них – наш пропавший четыре дня назад – Лихачев.

– Не может быть! Как он мог оказаться в этой деревне? – поинтересовался Никитин у младшего лейтенанта.

– Приведи его ко мне, – приказал он Маркелову. – Я сам хочу поговорить с этим человеком.

К лейтенанту подвели двоих. Судя по ним, они оба были истощены и ранены.

– Кто такие будете? Откуда, часть?

– Я – командир взвода, капитан Смирнов. 439 погранотряд. Отхожу от границы. Это – рядовой Лихачев. Ранение он получили день назад. В лесу наткнулись на националистов, – доложил Смирнов.

– Как оказались в этой деревне? – спросил Смирнова Никитин. – Где жители?

Тон, каким был задан вопрос, явно не понравился офицеру.

– Лейтенант! Ты что, нам не веришь? Мы немцев били, а что ты делал в это время? Я смотрю, неплохо выглядишь – выбрит, сыт. . . .

Лицо Никитина вспыхнуло от негодования.

– Моя внешность ничего не меняет, капитан Смирнов. Война меняет отношение к смыслу этого слова. Скажите, кто командовал вашим отрядом?

Пограничник криво улыбнулся и, судя по его лицу, капитан был рад этому вопросу.

– Командиром одиннадцатого погранотряда был подполковник Кравчук, заместитель по политической части – майор Хлопов. Еще есть ко мне вопросы?

– Как вы оказались в селе? – снова спросил Никитин Смирнова.

– После того, как мы наткнулись на националистов, мы решили зайти в деревню, у Лихачева воспалилась рана, и он нуждался в помощи.

Капитан замолчал и посмотрел на Никитина и Маркелова. Офицеры внимательно наблюдали за Смирновым, ожидая дальнейшего рассказа. Мужчина откашлялся и продолжил:

– Мы долго наблюдали за селом, боясь наткнуться на немцев или националистов. Убедившись, что в деревне нет ни тех, ни других, мы направились к ближайшему дому. Во дворе дома мы столкнулись с хозяйкой, которая запирала дверь. Оказывается, по указанию председателя колхоза они все уходили в лес, угоняя туда и скотину. В деревне осталось лишь несколько старух и стариков. Они нас и приютили на ночь. А утром в деревне оказались ваши разведчики.

Смирнов замолчал. Достав из кармана галифе кисет, он свернул сигарку и закурил. Он сделал глубокую затяжку. Наличие у него кисета и табака вызвало у Никитина недоверие к капитану.

– Откуда у вас табак, капитан? Да и кисет. . .

– Табаком и кисетом со мной поделился старик, проживающий в соседнем доме. Я смотрю, вы до сих пор не верите мне? А вы кто будете, товарищ лейтенант? Почему вы здесь – в стороне от дорог?

Никитин промолчал. Сейчас он размышлял, как поступить с ними. Брать их с собой, согласно инструкции, ему было нельзя, но и оставлять их здесь, тоже не хотелось.

– Вот что, Смирнов, – произнес Никитин. – Я возьму вас с собой и передам вас первому же санбату. Мы направляемся в Смоленск. . . .

– Товарищ лейтенант! Вы, что не знаете, что вчера вечером немецкие танки вышли к Белостоку, и вся 10-я армия оказалась в окружении? – спросил его Смирнов.

Никитин был просто ошарашен этим известием. Он растерянно посмотрел сначала на Маркелова, а затем на Смирнова.

– Откуда вы об этом знаете? – с подозрением спросил он Смирнова. – Вам не кажется это немного странным?

Офицер явно смутился, он просто не знал, что ответить Никитину.

– Ничего странного в этом нет, товарищ лейтенант. В доме, в котором нас обнаружили ваши разведчики, случайно оказалось радио, вот мы и узнали об этом.

– Интересно, капитан. Дом, радио...

– Вы что мне не верите? Сходите и посмотрите сами.

– Вот что, капитан, скажите, при каких обстоятельствах вы встретились с Лихачевым?

Смирнов улыбнулся.

– Лейтенант! Сейчас все леса кишат нашими бойцами. Есть крупные соединения, но больше, таких как мы, одиночек. Он пробирался на восток и я тоже стремился туда.

– Хорошо. Отдыхайте, капитан, а мы пока организуем проверку того, о чем вы нам сейчас сообщили.

Никитин обернулся, почувствовав на своей спине чей-то пристальный взгляд. На него смотрела Ольга, которая, по всей вероятности, слышала весь этот разговор.

– Что-то случилось? – спросил ее лейтенант.

– Нет, – коротко ответила девушка и, развернувшись, направилась к машинам.

– Маркелов, организуйте проверку показаний Смирнова.

..... Все, – четко произнес оберштурмфюрер СС Мозель и, отложив в сторону бинокль, сел рядом с радистом. Рация запищала. Радист снял наушники и протянул их офицеру.

– Господин гауптштурмфюрер, разрешите доложить. Да, ваш подопечный у русских. Вы правильно высчитали движение колонны. Разрешите атаковать?

– Ни в коем случае. Наверняка машины заминированы. Держите их в поле наблюдения. Мне очень важно, что предпримут русские, узнав об окружении 10-й армии, будут ли они складировать ценности. Думаю, что я сумею подключить к наблюдению наших ассов.

Прежде, чем начать движение вперед, Никитин решил разобраться с красноармейцем Лихачевым. Боец стоял перед ним, опустив голову. Наспех перебинтованная голова, рваная гимнастерка, отсутствие обмоток на ногах делали его фигуру немного комичной и в то же время жалкой. Лицо его было изможденным и со стороны казалось, что он вот-вот упадет от усталости.

– Рассказывай, Лихачев. Я хочу узнать, как вы бежали с поля боя? – спросил его Никитин. – Сейчас война и любое бегство с поля боя приравнивается к предательству. Ты это, надеюсь, знаешь?

Борис кивнул головой, соглашаясь со словами командира.

– Я не бежал с поля боя, – тихо произнес он. – Просто так получилось. Я забежал в дом, чтобы оттуда вести огонь по немецким автоматчикам. Мне удалось убить троих, но машины вдруг тронулись. Я хотел выйти из дома и попытаться вас догнать, но увидел немцев, которые просочились с другой стороны дома.

– Что дальше?

– Я укрылся в доме. Получилось так, что на первом этаже были немцы, а на втором – один лишь я.

– Ты хочешь сказать, что немцы не проверяли дом? Не смей меня, Лихачев, – произнес Никитин и усмехнулся. – Не рассказывай мне сказки.

– Зачем мне врать, товарищ лейтенант. Вечером в поселке снова вспыхнул бой. Похоже, одна из отходящих на восток советская воинская часть столкнулась с немцами. Бой был ожесточенный, но короткий. Нашим удалось выбить гитлеровцев из поселка, и я вынужден был рассказать командиру батальона, что отстал от колонны. Нас посадили на машины и повезли. Куда едем, никто не говорит, командиры были злые как собаки.

– Что дальше?

– А дальше, попали мы под бомбежку. Все бросились бежать кто куда, ну и я, в лес. Два дня плутал, пока не встретил капитана-пограничника. Он тоже отстал от своей части или отряда, не знаю, как у них там. Вот с ним и вышли к этому населенному пункту.

Лейтенант пристально посмотрел на Лихачева. Тот не выдержав его взгляда, отвернул свои глаза в сторону. Никитин не верил в рассказ бойца.

«Голова уж больно аккуратно перебинтована, – подмечал он про себя, рассматривая Лихачева. – Да и гимнастерка, почему без пятен крови, можно подумать, что ранение он получил, будучи раздетым».

– Скажи, Лихачев, это правда, что сказал капитан Смирнов? Мы действительно находимся в окружении?

– Так точно, товарищ лейтенант. Я сам вчера слышал об этом по приемнику.

– Что конкретно ты слышал, Лихачев? Давай, докладывай!

Красноармеец покраснел.

– Слышал сводку Совинформбюро. Немцы уже на подступах к Смоленску...

Стало тихо. Где-то громко куковала кукушка, насчитывая всем бесконечное количество лет жизни. Никитин подозвал к себе Маркелова. Внутреннее чутье подсказывало ему, что Лихачев чего – то не договаривает, боится прямых вопросов.

– А ну, снимай бинт! – приказал ему лейтенант. – Хочу посмотреть твое ранение.

В глазах Лихачева мелькнул страх.

– Это зачем, товарищ лейтенант? Значит, вы мне не верите! Чем же я могу доказать, что я – не изменник!? Дайте мне винтовку, и я умру в бою, если это потребуется Родине!

– Лаврова! Оля! Посмотри, что у него там, под бинтом! – приказал Никитин девушке.

Неожиданно для всех, Лихачев схватился за повязку и сорвал ее со своей головы. В ту же секунду лицо его оказалось в крови!

– Смотрите! Это я гвоздиком расковырял себе голову! – закричал боец.

– Отставить крик! – жестко произнес Никитин. – Лаврова! Перевяжите ему голову. Трогаемся!

Машины, поднимая клубы пыли, направились к деревне.

«Ни одного человека, словно все вымерло...», – подумал Никитин, рассматривая пустые дворы.

Набрав воды из колодца, машины быстро проскочили деревню и направились в сторону ближайшего лесочка.

«Как же это так, почему мы оказались в окружении? – размышлял Никитин. – Для того чтобы прорваться к своим, нужно каким-то образом войти в состав нашей армейской группы. Но, как быть с приказом, который категорически запрещал колонне какой-либо контакт с военными? Наверняка, те люди, которые все это планировали, не думали, что целая армия может оказаться в окружении».

– Что везете? – поинтересовался капитан Смирнов у Маркелова, оказавшись в кузове полуторки.

– Груз, – коротко ответил тот.

– Что за груз? Наверное, какие-то ценности, если такая охрана?

– Слушайте, товарищ капитан, вам, что не хватает моего ответа? Здесь не принято задавать вопросы. Запомните это!

Смирнов замолчал и присел на один из ящиков. Взгляд его невольно упал на печати из сургуча, которые болтались на шнурках. Он перевел взгляд на другой ящик, крышка которого тоже была скреплена печатью. Через минуту ему удалось рассмотреть эти печати, они оказались печатями Банка.

Немецкие самолеты с самого утра висели в воздухе, не давая никакой возможности свободно передвигаться по дороге. Колонна вынуждена была съехать с дороги и снова укрыться в лесу. Бойцы и водители расположились под деревьями, наслаждаясь теплом летнего дня. Кто-то из них дремал, кто-то писал письмо своим родным и близким, надеясь, что им удастся их им отправить.

О том, что 10-я армия оказалась в окружении Никитин никому не говорил. Об этом знали лишь четыре человека из их отряда – Маркелов, Смирнов и Лихачев. Клим, – водитель головного грузовика поднял капот и копался в моторе, готовя машину к ночному переходу. Неожиданно для него из-за кустов вышел красноармеец из выставленного Маркеловым охранения.

– Клим! Где командир? – спросил он его.

Водитель указал на дерево, под которым, прикрыв лицо фуражкой, лежал лейтенант Никитин. Запах разогретой на солнце смолы, щебетание птиц заставили его задремать. Услышав сквозь дремоту шаги, он открыл глаза и посмотрел на бойца.

– Разрешите обратиться, товарищ лейтенант, – произнес боец, окончательно прогнав у него сон.

Никитин отодвинул фуражку в сторону и посмотрел с недовольством на солдата.

– Что у вас? – спросил он красноармейца.

– На дороге немецкие мотоциклисты!

– Много их? – спросил лейтенант, поднимаясь с земли.

– Машин пятнадцать....., а может быть и больше.

«Разведчики, – подумал Никитин. – Наверняка ищут нас. Раз так, оставаться здесь в лесу нельзя, нужно как можно быстрее уходить. Похоже, без боя не получится».

Не зная почему, но его глаза сразу нашли Ольгу, которая сидела около машины и что-то писала в своем небольшом блокноте.

– Приготовиться к бою! – громко скомандовал Никитин. – Всем рассредоточится вдоль дороги.

Бойцы быстро заняли боевые позиции. Ольга легла недалеко от Никитина и передернула затвор винтовки. На ней была солдатская форма, которая делала ее фигуру комичной. Он невольно улыбнулся и, приложив к глазам окуляры бинокля, начал наблюдать за дорогой. Из-за поворота грунтовки донесся треск мотоциклетных моторов, который с каждой секундой становился все отчетливей и отчетливей.

– Без моей команды не стрелять! – громко выкрикнул Никитин.

Немецкие мотоциклисты появились из-за поворота. Они выехали на развилку дорог и остановились. Один из немцев слез с мотоцикла и стал осматривать дорогу. Заметив следы траков танка, он улыбнулся и направился к фельдфебелю. Он что-то сказал ему и рукой указал в сторону укрытой в лесу колонны. Фельдфебель, мужчина средних лет с довольно большим «пивным» животом, что-то громко выкрикнул и они, спешившись и рассыпавшись в цепь, осторожно двинулись вглубь леса.

– Без команды не стрелять! – еще раз громко выкрикнул Никитин. – Пусть подъедут ближе!

Мотоциклисты, держа автоматы наизготовку, медленно двинулись по следам танка. Тишину леса разорвал крик лейтенанта:

– Огонь!

Раздался залп. Несколько немцев упали в траву, а остальные, открыв ответный огонь, залегли на поляне. Никитин поймал в прицел своего ППШ фельдфебеля, который двигался чуть левее от него, укрываясь за стволами берез. Приклад автомата привычно толкнул Никитина в плечо, словно здороваясь с ним. Тело немца несколько раз дернулось, а затем повалилось в траву. На дороге снова появились немцы. Гул работающих двигателей мотоциклов моментально утонул в треске винтовочных и пулеметных очередей. Огонь красноармейцев был таким

плотным и прицельным, что буквально смел мотоциклистов с поляны и дороги. Лишь только одному мотоциклисту удалось добежать до мотоцикла и он, развернувшись, помчался обратно.

«Главное для вашей группы Никитин, это не вступать в открытое столкновение с немецкими частями, – вспоминал он инструктаж капитана Наумова. – Ваша задача – это таскать за собой немцев и не более. Чем дольше вы это будете делать, тем лучше».

– А теперь уходим! – громко выкрикнул Никитин. – Давай, ребята, быстрее, быстрее!

Водители и бойцы стали быстро собираться и рассаживаться по машинам. Никитин снова невольно взглянул на девушку. Даже в этой несуразной одежде она выглядела очень привлекательно.

«Если бы не война, – подумал он. – Непременно бросился бы ухаживать за ней».

– Смирнов! Соберите оружие, боеприпасы и погрузите все в машину, – приказал он капитану.

Когда тот с бойцами выполнили приказ Никитина, лейтенант взобрался на ступеньку полуторки и махнул рукой. Автомобили стали медленно выезжать из леса. Впереди машин, обдав их густым чадом сторевшего бензина, двинулся броневик, замыкала колонну танк. Дорога свернула влево и вывела колонну на оживленное шоссе, по которому, как ни странно, по-прежнему двигались разрозненные воинские части.

«А капитан Смирнов сообщил мне о полном окружении 10 -ой армии, – подумал лейтенант. – Тогда куда двигается вся эта масса войск и беженцев? А может, он что-то напутал?»

Поднимая клубы серой пыли, по дороге двигались автомашины, кузова которых были набиты ранеными бойцами.

– Сворачивай влево, – приказал Климу Никитин. – Сейчас остановим какую-нибудь автомашину с ранеными и передадим им Смирнова и Лихачева.

После нескольких неудачных попыток, наконец, Маркелову удалось остановить одну из машин.

– Товарищ военврач! – обратился он к капитану медицинской службы. – У нас несколько раненных бойцов. Возьмите их с собой!

– Не могу, товарищ лейтенант государственной безопасности. Вы же видите, все машины переполнены.

– Возьмите, я очень вас прошу... Мы выполняем ответственное задание командования, а раненные связывают нам руки.

Военврач посмотрел на серое от пыли лицо Никитина.

– Хорошо, лейтенант, грузите ваших раненных бойцов...

К Никитину подошел Смирнов и Лихачев.

– Товарищ лейтенант, разрешите нам остаться с вами. Ранения у нас не тяжелые...

– Не могу, товарищи, так что езжайте..., вам лечиться нужно.

– Товарищ лейтенант, но мы просим вас. Разрешите...

– Нет. Я не могу, Смирнов, у меня приказ.

– Товарищ лейтенант! Я – ваш боец и ранение у меня легкое. Разрешите остаться!

– Хорошо, Лихачев, оставайтесь, а вы, товарищ капитан, в машину. Удачи вам!

Машины с ранеными тронулась. Проводив их взглядом, Никитин сел в полуторку.

Вагнер вошел в свой кабинет и, сняв фуражку, направился к столу. Дневная жара давала о себе знать. Повесив фуражку на вбитый в стену гвоздь, он налил в стакан воду и выпил ее залпом. Вода была теплой, с каким-то непонятным ему металлическим привкусом. Гауптштурмфюрер взял в руки графин и вылил остатки воды в раскрытое настежь окно. Сев за стол, офицер поднял трубку и стал ждать ответа связиста. В трубке он услышал какой-то шорох, затем раздавались непонятные щелчки, которые моментально утонули в море шума. Наконец

через всю эту какофонию звуков отчетливо прозвучал приятный женский голос, чем-то напоминавший по тембру голос его жены:

– Я слушаю вас, господин гауптштурмфюрер.

– Здравствуйте, Магда. Соедините меня с командиром 116 авиаполка, – попросил он ее.

– Хорошо, господин гауптштурмфюрер, ждите....

В трубке снова возникла тишина, прерываемая бесконечным треском.

– Да, я слушаю вас, господин Вагнер.

– Господин полковник, это гауптштурмфюрер СС Вальтер Вагнер, офицер по особым поручениям райхминистра Розенберга, – стараясь подчеркнуть важность его должности, произнес офицер. – Меня интересует русская колонна из грузовых автомашин в сопровождении броневика и танка. На бортах машин белые надписи – почта. Думаю, что она следует по одной из проселочных дорог в сторону Смоленска. Прошу вас разыскать ее. Мне срочно нужны координаты этой группы. И еще, господин полковник, никаких бомбовых ударов, эта колонна нужна мне вся, а не ее остатки после работы ваших соколов.

Гауптштурмфюрер СС положил трубку и вытер платком свои влажные от волнения ладони. В том, что ему удастся перехватить этот золотой конвой русских, он не сомневался. Достав из кармана кителя серебряный портсигар, он закурил. Где-то недалеко ухала дальнотбойная артиллерия, от залпов которой мелко дрожала хрустальная рюмка, оставленная им на столе еще утром. Он достал из сейфа бутылку французского коньяка. Пригубив налитый в рюмку коньяк, он закрыл от удовольствия глаза. Аромат и специфический привкус этого сорта коньяка заставили его вспомнить о той прекрасной стране, в которой он провел последний год своей службы. Сейчас он тоже не мог пожаловаться на свою судьбу. Служба при штабе группы армии «Центр» была намного приятней той, которая была сейчас у тысяч других офицеров рейха, которые штурмовали русские укрепления.

Телефонный звонок вернул его к реалиям жизни.

– Гауптштурмфюрер СС Вагнер, – представился он.

Звонил дежурный офицер 116 авиационного полка. Вагнер пододвинул к себе разложенную на столе карту и, слушая телефонный доклад, стал делать только ему понятные обозначения.

– Спасибо, Хельмут, за информацию, – ответил гауптштурмфюрер. – Давно мы с вами не встречались. Если у вас возникнет желание скоротать время в хорошей компании за рюмочкой французского коньяка, позвоните мне.

Улыбнувшись, Вагнер положил на рычаг телефона трубку и посмотрел на карту. Офицер еще немного повертел в руке красный карандаш, которым делал отметки на карте, а затем положил его на стол. Гауптштурмфюрер СС еще раз мысленно поблагодарил судьбу за предоставленную ему удачу перехватить эту русскую колонну, которая по данным дежурного 116 авиационного полка, была замечена в семидесяти километрах от Минска.

«Они не так далеко от города, – словно подводя черту, подумал он. – Но почему, они не двигаются к Смоленску? Что-то здесь не так. Неужели они хотят где-то складировать эти ценности здесь. А почему бы нет! Шансов прорваться в Смоленск, у них практически нет. Как они будут это делать? Все вместе или груз каждой машины по отдельности?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.